

После

Автор:

[Андрей Круз](#)

После

Андрей Круз

Новый фантастический боевик (Эксмо)

1999 год, пятнадцать лет прошло с тех пор, как мир разрушила ядерная война. От страны остались лишь осколки, все крупные города и промышленные центры лежат в развалинах. Остатки центральной власти не в силах поддерживать порядок на огромной территории. Теперь это личное дело тех, кто выжил. Но выживали все по-разному. Кто-то объединялся с другими, а кто-то за счет других, превратившись в опасных хищников, хуже всех тех, кого знали раньше. И есть люди, посвятившие себя борьбе с такими. Они готовы идти до конца, чтобы у человечества появился шанс построить мирную жизнь заново.

Итак, место действия – СССР, Калининская область. Личность – Сергей Бережных. Профессия – сотрудник милиции. Семейное положение – жена и сын убиты. Оружие – от пистолета до бэтэера. Цель – месть. Миссия – уничтожение зла в человеческом обличье.

Андрей Круз

После

© Круз А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Предисловие

Я не хотел писать предисловие, чуть раскрывая сюжет, но выложенная в открытый доступ часть текста вызвала так много споров, что я все же вынужден предварить книгу этим коротким текстом.

Действие в романе происходит через пятнадцать лет после ядерной войны. Не тотальной войны, стороны не выпустили друг в друга весь арсенал, но все же того, что вылетело, хватило для почти полного разрушения инфраструктуры и, как следствие, нанесения чудовищных потерь. Однако в этой книге не будет ни навечно зараженной земли, ни двухголовых мутантов и «чудовищ ядерных пустошей», а также злодеев в шипах и коже в стиле «Безумного Макса» или игры «Фоллаут». Почему? Да просто потому, что хоть эта книга и фантастика, но все же не настолько.

Наиболее наглядным примером местности после ядерных ударов является полигон на Новой Земле, где было произведено за довольно короткий отрезок времени множество ядерных взрывов, включая наземные и огромной мощности. В результате зоны долгосрочного заражения местности изотопами с длительным периодом полураспада заняли не больше шести квадратных километров, в районе четырех наземных взрывов. На всей остальной территории полигона даже в разгар периода испытаний радиационный фон был в рамках допустимого. Шлейф растянулся на тысячи километров, но в результате этого концентрация радиоактивных осадков была настолько низка, что в местах их выпадения фон также не превысил допустимый.

Чернобыль? Чернобыль выбросил в тысячи раз больше радиоактивного дерьма, чем любой ядерный взрыв. При взрыве используется куда меньше материала, и он банально сгорает. Во время же аварии на АЭС по факту «сорвало крышку с кастрюли» и механически разбросало содержимое. То есть моделью ядерной войны чернобыльская зона или та же Фукусима никак служить не может, они модели аварии на реакторе и ничего больше.

Зато она начисто опровергает другой миф – о мутантах. На территории зоны живут самые обычные животные, и вообще, в силу закрытости, там полный расцвет флоры и фауны. Мутации в подавляющем большинстве случаев ведут к

смерти мутанта, это уродство, а не усовершенствование. Те самые первые безглазые рыбы в Припяти вымерли еще в первый год, больше их никто не видел.

Вечная ядерная зима? Тоже не получается. Накопление углекислоты и выбросы сажи приведут к потеплению после не слишком долгого холодного периода. Климат станет более влажным, немного теплей, чем раньше, вот и все. Так что постъядерный мир будет просто миром разрушенным, не более. Остальные подробности в тексте.

1

В кузове трясло, громыхали дощатые борта, мелкий дождь барабанил по брезентовому протекающему тенту. От мешков с картошкой, лежавших навалом впереди, пахло землей и сыростью. Дорога долгая, ехали уже пятый час, поэтому тянуло в сон, но уснуть тоже не получится из-за болтанки. Да и не стоит спать, потому что со мной в кузове еще четверо попутчиков, и никого из них я не знаю. Поосторожней лучше быть. Метрах в двадцати за нами еще машина, «зиллок» с голубой кабиной и когда-то белой, но теперь грязной и покрытой пятнами ржавчины решеткой. Время от времени было слышно, как вздыхают его пневматические тормоза. За нами оставалась полоса разбитого шоссе, сейчас больше состоящая из ям и колдобин, чем из остатков асфальта. За «зилком» еще машина, такой же «газон», как и у нас, с кабиной, грубо выкрашенной кистью в серый цвет, и треснутым лобовым стеклом.

– Слышь, друг, курить не дашь? – в очередной уже раз просил меня сосед, худосочный мужик лет под сорок, одетый в брезентовую штормовку поверх свитера.

Он то у меня стрельнет, то у других, так и едет. Правда, сам яблоками всех угостил. Хорошими яблоками, зелеными и кисловатыми, какие как раз и люблю. Я вытащил из кармана куртки штампованный портсигар, протянул ему, откинув крышку. Тот худыми пальцами выудил оттуда папиросу, смял мундштук, щелкнул бензиновой зажигалкой с крышкой.

– Спасибо.

- Пожалуйста.

Тут машину тряхнуло особенно сильно, так что я портсигар чуть не выронил. Пожалуй что и сам закурю. Сколько еще ехать? Я глянул на часы, прикинул - не меньше часа еще, но большая часть пути позади. «Стрелок», увидев, что я сам курить собрался, щелкнул зажигалкой, поднес огня, прикрыв его ладонью с татуировкой. Якорь у него там, может, даже служил на флоте до Этого Самого.

- Откуда ты сам? - спросил «матрос».

- Издалека, - не стал я излагать подробности. - Сам местный?

- Почти. Пять лет в Торжке.

- Чем занимаешься?

- Механик я. И всякое, - он неопределенно махнул рукой с папиросой. - Починить, поделать.

- А что из дома носило?

- Да так, закупились всяким. Наша машина впереди идет, тут просто сидеть удобней, на картошке-то, - он постучал по мешку, на который опирался. - Доедем уже скоро, вон на Золотиху поворот был уже. А к нам по делу?

- Да вроде бы. - Я затянулся, выпустил дым. - Остановиться-то есть где у вас?

- Гостиница есть. Можно комнату снять. Соседка у меня сдает, бывает. Знаешь город?

- Нет, откуда? Я в первый раз.

- На Белинского это, почти центр, считай. Надолго?

- Сам не знаю, как получится. Может, и надолго.

– Занимаешься чем по жизни?

– В охране работал, – приврал я на всякий случай. – Теперь все, больше не работаю.

– Новое место ищешь или что?

– Почти что. Там видно будет.

– У меня зять в охране обозов работал, – вступила в разговор грузная тетка, сидевшая у противоположного борта. – Убили три года назад. Тут как раз, у Лихославля.

Сидевший рядом с ней мелкий мужичок с заросшей длинной щетиной физиономией кивнул, не сказав ни слова. Точно муж с женой.

– Бандитов у вас много тут?

– Да кто их знает? Бандитствуют. Всякой сволочи хватает.

– Но в городе тихо, – добавил «матрос». – И рядом. Нормально у нас.

Разговор как-то сам по себе увял. Всех уже растрясло, все устали от долгой дороги. Колонна продолжала вилять между ям, расплескивая грязную воду из-под колес, громыхали борта кузовов. Серое небо, серый дождь, зеленый лиственный лес по сторонам дороги.

Папироса докурилась до мундштука, я выбросил ее за борт, в грязь. Как ни ворочаюсь на сложенной плащ-палатке, а все равно задницу отсидел давно. И так сядешь, и эдак, и ногу под себя подложишь, но доски и есть доски, мягкости в них никакой. И это если бы я так первый день ехал, а ведь уже неделю мыкаюсь. Доедешь докуда-то, а там очередного обоза или попутки ждешь. Но просто попутки случайных людей брать не любят. И в кузовах ехал, и на телегах, и даже раз под дождем на прицепе-платформе катил. И вот доехал вроде бы. Почти.

Оперся на левую руку, меняя положение, в плечо отдало болью. Новая напасть, в последний год началась. Болит плечо, несильно, но тупо и постоянно, немеет сама рука. Назад ее завести уже не получается, даже чтобы себе спину почесать. Спрашивал у врача, что это такое, тот плечами пожал, сунул какую-то мазь. Даже не знаю, действует мазь или нет, да и заканчивается уже. Пробую разминать каждый день, но опять не знаю, помогает или нет. Старею. Была бы жизнь получше, может, и старел бы не так быстро, но «получше» уже нет. Не про нас это самое «получше». С Этого Самого осталось только «похуже» и «совсем никуда».

Лес сменился ржаными полями, навстречу прошла пара грузовиков, а потом, переваливаясь по кочкам, прокатил обшарпанный «Москвич». Ближе к Торжку уже, похоже. Пару деревень проехали, пустых и разоренных. Почти не живут люди в деревнях теперь, к городам жмутся, безопасней в них. Разве совсем в глуши, где и городов близко нет и куда всякой сволочи специально забираться лень. Мы вот тоже городком жили, а вокруг пустота, леса да поля.

Слышно было, как машина во главе колонны забибикала. Увидел кого или подъехали? Из-под тента ни черта не видно вперед, так и разглядываю морду идущего следом «ЗИЛа». Подъехали, похоже, скорость скинули, машины сзади почти вплотную подтянулись. Шофер «зилка», молодой парень в серой спецовке, перехватив мой взгляд, большой палец показал. Ну да, ему радость, работа опасная, а теперь он на месте и отдых впереди.

Вот наш «газон» чуть трянуло, проехали блок, затем справа показались кирпичные пятиэтажки нежилого вида, разве что на крыше одной разглядел мешки с землей и наблюдателей под навесом. Тут нас остановили, в голове колонны послышались голоса, а затем кто-то загорланил в мегафон, обращаясь уже ко всем, да так, что ни слова не понятно. Но «матрос» сказал:

– Проверка сейчас будет. От автомата, если есть, магазин отстегнуть и патрон из ствола, только так в городе и носить. Если пистолет есть, то тоже разряди.

Сам он сноровисто откинул щелкнувший пружиной магазин своего «СКС», высыпал патроны в ладонь, выбросил тот, что в стволе, а потом, вытащив из кармана обойму, взялся этими патронами ее заполнять. Ну что, у нас такие же правила, так что и удивляться нечему. Я отстегнул от автомата магазин, выбросил патрон из патронника, убрал все в подсумок. Полез под куртку, вытащил из оперативки «ТТ», разрядил. А потом из внутреннего кармана достал

документы, завернутые в потрепанный полиэтиленовый пакет, приготовил к проверке.

Минут через десять проверка подошла к нашему «газончику». По званиям и не поймешь кто, все в караульных плащах от дождя, какой-то командир – мужик средних лет с усами щеткой, с ним двое бойцов с автоматами, помоложе оба. Заглянули в кузов, потом старший сказал:

– Сначала местные, потом приезжие. Документики готовим, пожалуйста.

Кроме меня все местными оказались, «матрос» так еще и поздоровался со старшим патруля. Их проверили быстро, потом до меня очередь дошла. Усатый взял паспорт, покрутил в руках зачем-то, затем открыл.

– Бережных Сергей Павлович... Грязовец... Вологодской области. Издалека к нам, – он даже хмыкнул удивленно. – С какой целью?

– Транзит скорее. Дальше попутки искать буду.

Раз я проездом, то и любопытства немного. А я пока и сам не знаю. Усатый вернул мне паспорт, затем сказал:

– Оружие есть? В городской черте носить без магазина и патрона в стволе.

– Просветили уже, спасибо.

– Да на здоровье. На КПП еще запишитесь и дозиметристов пройдите. Лучше сейчас вперед идите, как раз успеете, куда машины проверяют. Все, пошли дальше, – скомандовал он своим.

Везде одно и то же, так что даже подсказывать не нужно. «Матрос», видя, что я собираюсь лезть за рюкзаком, сказал, сидя на краю борта:

– Тут оставь, никто уже не сопрет. После КПП снова приглядывай. – Он усмехнулся. – Там опять подсядешь.

По-быстрому мой мешок обшарить любой запросто сможет, но, сам не знаю почему, сделал, как он сказал, махнул рукой, да и пошел вперед, к железным воротам, встроенным в стену ежей, и пристройке к ним из серого силикатного кирпича.

Прошел всю колонну, пять грузовиков, «Ниву», «уазик» и старенький БТР-40 охраны, возле которого курили и разминали ноги трое солдат.

У дверей собралась небольшая очередь из таких же приезжих – как я. Четверо, если точно, три мужика, явно одна компания, и довольно молодая, лет тридцати, женщина, худая, с короткой стрижкой и глубоким шрамом справа, пересекающим скулу сверху вниз, а на половине лица почти уже стершиеся следы старого ожога. Почему-то подумалось, что это тогда ее. Сколько ей тогда было? Лет пятнадцать?

Никто не разговаривал, двое курили, встав под грибок. В дверь, открывая ее изнутри, запускали по одному, только сначала боец проверял каждого на «свечение». Но дураки давно вымерли, а люди научились не лезть, куда не надо, так что все были в норме.

В будке КПП тоже все как обычно. Какая-то женщина в платке и ватнике взяла у меня паспорт, переписала данные в амбарную книгу, потом выписала временный пропуск.

– На выезде сдать надо, – пояснила она. – На неделю он, потом в комендатуру, если задержитесь.

– Понял, спасибо.

Я убрал квиточек из серой бумаги в пакет вместе с паспортом, а потом, аккуратно завернув, сунул все во внутренний карман куртки.

Снова ожидание в той же компании, но уже по другую сторону ворот. Машины пропускали быстро, разве что у «колуна», в котором, как оказалось, эти трое мужиков и ехали, задержались дольше – приезжие. Но тоже пропустили, а следом и наш «газон».

– Залезай, на тот берег с нами доедешь, – позвал «матрос».

Я вскарабкался в кузов, покосился на свой рюкзак – не трогал его никто, похоже. Как промят моей спиной и в угол втиснут, так все и осталось.

– Так где тут ночлег найти можно?

– Я же сказал, соседка сдает. Нам разгрузиться надо, потом домой пойду, ты со мной можешь. Познакомлю. Сашей меня зовут, если что. – Он протянул руку с якорем.

– Сергей. Будем знакомы.

Вскоре колонна тронулась снова. Опять пятиэтажки, на этот раз жилые. Из окон трубы буржоек, стены закопчены, прямо у домов кучи угля. И городская жизнь уже видна, по грязным обочинам люди идут, телеги и машины едут. Почти все эти городки в средней полосе друг на друга похожи так, что и не отличишь. И жизнь везде одинаковая, ну, почти одинаковая. Вышний Волочек, что тут же, в Калининской области, он другой, такие тоже есть, но вот таких, как Торжок, все же большинство. Поездил, пришлось посмотреть. Сбиваются люди в уцелевшие места, огораживаются, принимают над собой власть, в надежде, что та их защитит и позволит выживать дальше хоть немного спокойней. И да, в основном получается. Я сам кусочек такой вот власти, пусть и отколотый уже, как щепка от бревна, поплывшая по течению куда несет.

– На Володарского едем, к самому рынку, – вдруг пояснил наш маршрут Саня. – У нас там гараж, мастрячим всякое. Если чё, можешь в гостиничку, у рынка есть, но там больше денег оставишь. В столовку сходи, пожуй чего-нибудь, а я подойду, и двинем дальше. Нормально так?

– Да нормально, – кивнул я. – Спасибо.

– Эти картошку везут, им как раз на базар. – Саша постучал по мешкам. – Дай еще папироску, а?

Я повернулся к рюкзаку, вытащил из кармана пачку папирос, протянул ему.

- Держи.

- Да я куплю, не вопрос, просто сейчас нет. Одну дай.

- Как хочешь. - Я полез за портсигаром.

Сначала где-то высадили тетку с мужем, что с нами ехали, затем и колонна начала разъезжаться в разные стороны, а бронетранспортер так и вовсе сразу за КПП в сторону свернул, тут охранять никого не надо. Только «сто тридцатый» ехал следом, в нем как раз весь товар Саши и его коллег и лежал. Там в кабине еще трое сидели. Потом мы свернули к каким-то воротам, и голос водителя «газона» скомандовал:

- Санек! И пассажир! Вылезай, мы приехали.

- Давай, выходим, нам чуть дальше.

«ЗИЛ» и вправду объехал нас, расплескав колесами широкую мутную лужу, и покатил дальше. Я выбрался, Саша поочередно подал мне рюкзак, который я сразу накинул на плечи, автомат, винтовочный чехол. Вот и все мое имущество, собственно говоря. Все, что от него осталось. Затем он и сам спрыгнул, с собой у него только рюкзачок небольшой да карабин. «Газон» сразу же фыркнул двигателем и поехал на рынок, в распахнутые дощатые ворота.

- Гля сюда, - Саша показал пальцем на двухэтажный барак из неизменного серого кирпича, на этот кирпич и похожий, - гостиничка это. А прямо за ней столовка. Там нормально, могут и налить, если чего. А как разгрузимся, так я за тобой и зайду. Лады? - протянул он руку.

- Лады, Саш, спасибо.

Луж было немного, почва тут больше песчаная, так что потопал я по обочине дальше. У входа в гостиницу две машины стоят - «уазик» и белая «копейка». За гостиницей потянулся полузаваленный деревянный забор, который уперся в еще один двухэтажный барак, на этот раз деревянный. И над крыльцом того обнаружилась вывеска «Столовая». Поднявшись на гулкое деревянное крыльцо, я потянул обитую дверь на тугой пружине, зашел внутрь.

Раньше это место столовой не было, но вот мебель в нем столовская точно. Стулья трубчатые с крашеными фанерными сиденьями и спинками, столешницы из покрытой пластиком ДСП с обгрызенными краями. Столов с десятков, занято сейчас только два. За одним два мужика в гражданском, но с красными повязками «Милиция» на рукавах, обедают с компотом, за другим столом поддатая компания, два мужика и женщина, у тех еще и водки бутылка стоит. Кухня отгорожена стойкой-доской, оттуда варевом пахнет, тут же есть захотелось. Но за стойкой никого.

– Покушать или так зашел? – Из двери сбоку вышел тучный немолодой мужик в белом переднике, вытирающий руки полотенцем.

– Поел бы, – улыбнулся я ему. – Чем покормишь?

– Суп куриный есть, с лапшой. Пшенка с мясом. Картошки пожарить можно, тоже с мясом. Компот сегодня сливовый, ну и просто налить могу. Ты садись давай.

Я прикинул, куда лучше сесть, выбрал угол слева от входа. В этот самый угол и имущество свое могу сложить, чтобы не мешало никому и под ногами не валялось.

– Давай тогда суп и картошку. И компот. И сто грамм налей, пожалуй.

На столе даже пепельница обнаружилась, глиняная поделка в виде утки. Как ребенок делал. Может, и вправду ребенок, кабатчика, например. Я свалил с себя тяжелый рюкзак, поставил стоямя винтовку в чехле, на рюкзак автомат пристроил. Расстегнулся, стащил с головы брезентовую панаму. Доехал куда-то. Точнее, доехал куда хотел, просто не знаю, туда ли я хотел и куда мне на самом деле нужно. Милиционеры покосились на меня, один, молодой и белобрысый, чуть дольше взгляд задержал, но вскоре потерял интерес. Я закурил в очередной раз, выпустив дым в потолок.

Да, если Саша не обманет, попутчик мой нечаянный, то я лучше комнату в частном секторе сниму. Не знаю, насколько я тут задержусь, но пока какая-то база нужна. Начинать откуда-то требуется. А дальше видно будет, я не загадываю. Может, мне и вообще на край света ехать придется, хоть и сомневаюсь. Не ездят те, кто мне нужен, так далеко. Да и вообще люди теперь далеко не ездят, вон как патрульный поразился, когда документы мои проверял.

А до этого всего разве расстояние было? Да так, ерунда, а тут сколько добирался. Незачем далеко ездить, нет никакого смысла. Никому смысла нет.

Неожиданно блондин с повязкой поднялся из-за стола, подошел ко мне, остановился у стола. Одет в штормовку, сейчас половина мужиков в них ходит, под ней офицерский ремень с кобурой вижу.

- Милиция, - вроде как представился он. - Пистолет у тебя вижу. Предъяви к осмотру.

Вот оно что. Я аккуратно достал «ТТ» из оперативки, показал отсутствующий магазин, оттянул затвор, демонстрируя пустой патронник. Тот вроде разочаровался немного, кивнул. «Штрафа» захотелось, похоже. Когда он было направился к своему столу, я спросил:

- Товарищ сотрудник, вопрос позволите?

- Чего? - обернулся он.

- Райотдел где находится, не подскажете?

- На Девятого января, дом три. Рядом со сберкассой, - ответил он. - А что?

- Да ничего, зайти мне к вам нужно.

- Заходи, - пожал он плечами.

Ждать пришлось недолго, кабатчик с супом пришел через пару минут, я едва затушить окурок успел. Выставил передо мной тарелку, сняв с подноса, затем блюдце с четырьмя кусками черного хлеба, рядом расположил граненый стакан, до половины налитый, и, к удивлению моему, там же появилось блюдце с нарезанным соленым огурцом и таким же зеленым мятым помидором.

- О, спасибо, - обрадовался я.

- Картошку жарим, чуть позже будет.

– Хорошо.

Дождь так и продолжал моросить за окном. Серый бревенчатый дом напротив, серый забор. Через открытую калитку видно, как тетка в военной плащ-палатке несет дрова из поленницы, а в окне сидит рыжий кот и за ней наблюдает. По улице проехал грузовик, оставив след сизого солярного дыма. А вот зелень за серым забором прет сочная, яркая, перебивает тоскливую картину, словно старается показать, что не весь этот мир умер.

Наколов на гнутую алюминиевую вилку кусок огурца, я глотнул из стакана, поморщился от теплой водки, но проглотил, закусил. Взялся за суп, вполне себе съедобный. Когда покончил с ним, кабатчик принес картошку со свининой. Тоже неплохо, и пожарена на совесть, с луком, и мяса пусть и немного, но тоже хватает. К гарниру еще один мятый соленый огурец, прямо роскошь.

Я успел доесть и не только водку, но и чай допить, когда с улицы послышался звук подъехавшей машины, и тут же в столовую вошел Саша. Он огляделся, заметив меня, по ходу поздоровался за руку с кабатчиком, потом кивнул ментам. На пьяную компанию внимания не обратил, ну а те его никак не отметили. Подсел напротив.

– Как покормили?

– Хорошо, – кивнул я. – Будешь что-нибудь?

– Нет, я уже дома покушаю. Пойдем тогда, покажу тебе все.

Я подошел к стойке, спросил:

– Сколько с меня?

– Рубль десять, – сразу ответил толстяк.

Пошарив в кармане, я выудил несколько монет на ладонь, отсчитал, отдал ему без сдачи.

– Спасибо.

– На здоровье, заходи еще.

– Зайду.

Подхватив все свои вещи, вышел следом за Сашей на улицу. Прямо у входа в столовку стоял бежевый пикапчик «Москвич». Перехватив мой вопросительный взгляд, Саша сказал:

– Садись, прокачу. Барахло в багажник кинь, брезентом накроем.

У него там и вправду нашелся рулон палаточного брезента, которым он аккуратно накрыл мое имущество. В кабине машины пахло машинным маслом и застарелым куревом, папиросные окурки ежом торчали из перекошенной и переполненной пепельницы. Саша заодно и закурил. Затем повернул ключ, «пирожок» зафырчал и поехал.

– Широко живешь, – я постучал по панели.

– Так что за механик без машины? – удивился он. – Да есть машины в городе, просто мало кому нужны. Бензин дорогой, от легковушек пользы мало, грузовики нужны всем. Или трактора. Нужна машина – враз найду, только скажи.

– Бензин откуда у вас?

– Из торфа гонят, и бензин, и соляру. Торфа у нас тут до следующей войны точно хватит.

– От радиации не загнетесь?

– Тут чисто, даже болота чистые. Не достало, только на Калинин и упало, на выезде на Москву. Вот там да, говорят, еще и химии всякой разбросано до хрена. Чисто тут, чисто, – повторил он.

Ехали совсем недолго, минуты три, наверное. Пара старых купеческих особняков с осыпавшейся желтой штукатуркой, «немецкая» четырехэтажка, из тех, что строили пленные, пара довольно новых панелек, затем частный сектор пошел.

Даже не сворачивали никуда, так на Белинского и выехали. У крашеного «половой» бурой краской дома с четырьмя окнами на улицу Саша остановился.

- Приехали, - объявил он. - Сюда нам. А я вон там живу, - он показал на дом прямо напротив, ухоженный и даже с кирпичной пристройкой. - Домов много, если бы ты остался, то тут рядом несколько есть. Почини и живи.

- А много народу в городе?

- Тысяч пятнадцать.

- Много, столица, считай, - удивился я. - А раньше жило?

- Тысяч сорок жило. На Пятый Год вымерло много. Ну и всякое. Пошли.

Он толкнул калитку, зашел во двор, я следом.

Крыльцо чуть покосилось, но дом выглядел вполне добротно. Саша постучал в дверь, за которой почти сразу послышались шаркающие шаги. Слышно было, как откинулся крючок, а затем я увидел невысокую худую женщину в бабьем платке. Рука, которой она придерживала дверь, сплошь была покрыта старыми ожоговыми струпьями, левый глаз закрывала катаракта.

- Сергеевна, здравствуй. Возьмешь постояльца?

Женщина посмотрела не меня оценивающе, затем спросила:

- Надолго?

- На недельку пока, наверное.

- По два рубля в день возьму, если на неделю, - ответила она сразу.

Сколько ей лет? Сорок? Пятьдесят? Шестьдесят?

- Наталь Сергеевна, побойся бога, - засмеялся Саша. - Не дорого?

- Я согласен, - прервал я попытку торга. - Комнату посмотреть можно?

- Обувь снимайте, - кивнула та, пропуская нас внутрь.

Я стащил сапоги, размотал портянки, оставшись босиком на крашеном полу. Сергеевна провела меня через дом в маленькую комнату, где я увидел железную кровать с панцирной сеткой, стол со стулом у окна и старый поцарапанный шкаф. Над кроватью коврик с оленями, на столе керосинка. На стене умывальник с раковиной, под ней ведро. Под гостей комната, значит.

- Хорошо, мне нравится, - кивнул я. - За неделю заплатить?

- Давай за неделю, если можешь, - ответила она. - И заселяйся.

- Курить тут можно?

- Окно открывай и кури. Только чтобы в доме дышать можно было. И пепел на пол не тряс. По ночам не орешь? - спросила она пристрастно.

- Нет, даже не храплю. - Я полез за кошельком, выудил из него две монеты по пять рублей и две по два. - Пожалуйста, вот, - передал я ей деньги.

- Ну вот заходи и живи. Кота моего не обижай.

- А где кот?

- Гуляет Васька мой, где он еще быть может, ирод. - Она неожиданно светло улыбнулась. - Живи на здоровье, в общем. Завтра я работаю до вечера, а так через день кормить могу, если хочешь.

- Спасибо, подумаю. Не воруют у вас? По домам не лазят?

- Нет, таких давно расстреляли, - ответила она по-простому. - Тихо в городе, разве что мужики по пьяни подерутся, но им положено так. Не бойся за вещи, ничего не случится.

Хозяйка быстро застелила мне свежую постель и вышла. На огород пошла, как я через окно увидел. А сам начал вещи разбирать. Поставил в шкаф винтовку в чехле, туда же автомат пристроил. Вещи из рюкзака вытащил и на полки разложил. Пару книг, что взял с собой, на стол выложил. Пусть вроде как дом тут пока будет. Вторую пару сапог к дверям выставлю, а тут босиком. На полу дорожка, по ней пройтись приятно. Сел на скрипнувший стул, вытянул ноги, снял очки, чуть надавившие переносицу. Сменить? У меня с собой еще одни есть, совсем целые, а на этих одна дужка на эпоксидке, не складывается уже. Нет, эти пока поношу, те в резерве останутся, последние. Пока других не найду себе, в этих ходить буду, они легче. А та оправа неудобная что-то совсем.

Плечо разнылось, надо на ночь намазать. И вот баньку бы еще найти, тут во дворе не вижу. У нас была. В городскую идти придется, наверное. Ладно, куда схожу в милицию местную, дело у меня там.

На выходе из дома столкнулся с хозяйкой, с ведром возвращавшейся с огорода.

– Наталья Сергеевна, а как мне на Девятого Января попасть отсюда?

– Да вот так и иди прямо, пока не упруешься. – Она показала рукой. – Справа сберкасса будет, слева милиция и старый собес. Не заблудишься.

– Спасибо.

– Ты ключ возьми, – засуетилась она, зашарив по карманам ватника. – А то поздно придешь, и я спать буду. Или уйду куда, если рано.

– Спасибо, – повторил я. – Не думаю, что поздно, пораньше вернусь. А баня в городе есть?

– Это на Садовую тебе надо, на тот берег. А что с Сашкой не договоришься?

– С Сашкой? – немного озадачился я.

– Ну да. У него баня своя, во дворе. Пошли, позову его. – Не дожидаясь продолжения, она решительно направилась на улицу. Во двор соседский заходить не стала, забарабанила в окно, в которое почти сразу выглянула

пухловатая круглолицая женщина с волосами, убранными в пучок. – Лид, Сашка дома?

– Позову сейчас. Здрасти, – это она уже мне кивнула.

Звать не пришлось, Саша тут же выглянул в окно.

– Сань, друга своего в банюпустишь? – Сергеевна долгих вступлений не любила. – А то он на Садовую собрался.

– Да без вопросов, заходи попозже. – Саша, похоже, даже обрадовался. – У меня и выпить найдется, и закусочка. Посидим.

Женщина чуть вздохнула, но ни слова не сказала.

– Да неудобно, я в городскую схожу, – удалось, наконец, и мне вставить слово. – Отдыхай, ты с дороги.

– Так вот и отдохнем! – Он даже руки потер. – Сколько сейчас?

– Полчетвертого, – глянул я на свою «Победу».

– К семи подгребай, самое время. Протоплю как раз.

– Спасибо, коли так.

Вот ты глянь, как я друга себе нашел, а всего-то по дороге папиросами снабжал. Но так спасибо, конечно. Надо будет тогда на базар заглянуть, купить что-нибудь, чтобы не с пустыми руками. В общем, зашагал к центру. Подумал, что надо было бы «ТТ» в комнате оставить, но привык к нему, без оружия как без штанов. Пусть хоть так, без патронов висит под курткой, три магазина в под сумке на другом боку. Не нарушаю ничего.

Дождик вроде прекращаться начал, еле срывался, да и хмурое небо светлеть начало понемногу. Навстречу дети попались, мальчик и девочка, лет по восемь обоим, с ранцами за спиной. Из школы идут, болтают о чем-то, со мной поздоровались, ну а я с ними. Проехала телега, которой правил дядек в

брезентовом пыльнике, груженная чем-то в мешках, потом меня «Нива» обогнала, чуть притормозив у лужи, чтобы не обрызгать. За рулем женщину разглядел, скуластую, крупную, с почти мужским лицом и папиросой в зубах. Почему-то сразу решил, что какое-то начальство городское.

Возле панелек народу на улице прибавилось. Компания детей разного возраста что-то у лужи делает, две бабки судачат, на углу в контейнер торф в брикетах с самосвала разгружают. Длинный пустовавший двухэтажный особняк, который я поначалу было принял за школу, оказался библиотекой для слепых, табличка так и висела у входной двери, забитой досками. Затем какое-то учреждение с проходной, воротами и гаражом, на территории несколько машин. Знакомого вида двухэтажный барак, над входом вывеска «Магазин». Что за магазин? Да бог его знает. Местные в курсе – и достаточно. Вполне ухоженный и с виду обжитой двухэтажный дом – наверняка какое-то местное начальство живет, или кто там еще. И тут же по дороге попалась пара больших особняков, но таких запущенных, что сразу ясно – их еще с революции никто не ремонтировал. Пустуют, понятное дело. Жилья и прочего в городе куда больше, чем людей, вот и не возится никто с такими.

Дальше пошла широкая улица с самым настоящим парком, даже кованые решетки ограды на месте. По левую руку старые купеческие дома, вот они явно заселены. А у некоторых еще и машины стоят, все больше «Волги». Тоже начальство или богатеи местные? А в парке дети играют, и даже женщина с коляской прогуливается, держа в руке книгу. Да, дождь совсем прошел.

У выхода на площадь среди деревьев торчал памятник Кирову, а вот уже за ним я увидел вывеску сберкасс, на ступеньках которой стояли две бабки в платках. А слева, в типичном двухэтажном особняке, как раз райотдел. Перед ним два милицейских «бобика» в раскраске, дальше два зеленых «уазика». Кирпичное крыльцо, явно позже пристроенное, козырек над ним, справа от входа стенд, еще с тех времен: «Их разыскивает милиция». И там правда несколько объявлений. Завернул, посмотрел, покачал головой. Не то. Не те.

Дверь оказалась тяжелой, обитой планкой снаружи и дерматином изнутри. В дежурке пахло какой-то дезинфекцией, вроде как в больницах. За стойкой сидел немолодой дядька в военной форме, но с милицейскими погонами на ней. Это обычно, это везде так. Милицейская сносилась давно, а военной на складах на триста лет запасено. И на рукаве повязка «дежурный».

– День добрый, – поздоровался я, подходя к стойке. – Мне бы или к начальнику вашему попасть, или в розыскной, если есть такой.

– Оперотдел у нас есть, – хмыкнул он. – А по какому вопросу?

– По розыскному, – усмехнулся я. – Из Вологодской области я приехал, ищем кое-кого, – объяснил я без подробностей.

– Начальник в отъезде, опера на месте, – вроде бы удовлетворился дежурный моим ответом. – Вон туда по коридору, вторая дверь направо. Документики ваши только дайте.

Я полез за пакетом, на этот раз вытащив из него не паспорт, а удостоверение. Нормальное, настоящее удостоверение, на котором даже нигде не написано, что его владелец на самом деле и не служит уже нигде. С именем и фотографией и печатью Грязовецкого райотдела.

– Начальник ОББ? – немного озадачился дежурный.

Вот уже и до этого дошли. Вроде официально все милиция, органы внутренних дел СССР, а по факту давно уже в местных шерифов превратились, и все былое однообразие в названиях кануло в Лету. Каждый по-своему свои дела ведет, каждый отделы по-своему называет.

– Бандитский отдел, – пришлось пояснить. – Которые за городской чертой действуют.

– У нас вояки этим занимаются, – пожал плечами дежурный. – Разве опера иногда с ними. Пожалуйста, – он вернул мне удостоверение, – проходите.

– Спасибо.

Все равно ведь хоть на КПП, но проверит, пока я в кабинете буду, по глазам вижу. Ну и правильно, служба такая.

В коридоре было темновато, но все же дверь разглядел. Постучался и вошел, не дожидаясь ответа. Без всякого удивления обнаружил в привычно казенной

обстановке из сдвинутых столов и сейфа в углу тех самых ментов, что видел сегодня в столовой. Они синхронно повернули головы, блондин спросил, на этот раз перейдя на «вы»:

- Вы по какому вопросу?

Тут я сразу удостоверение предъявил, затем спросил:

- Присяду?

- Берите стул. - Второй опер, что постарше, с усами и ранней лысиной, показал на один из трех стульев у стены. - По какому к нам делу?

Из все того же пакета появилось два сложенных листка, которые я аккуратно расправил и выложил на стол.

- Вот этих ищу. Имен не знаю, наш художник рисовал. Вот это Корень, - я ткнул пальцем в портрет мужчины лет тридцати с бритой головой. - Приметы тут. Вот это Шига, - я выложил еще один портрет. Парня помоложе, с длинными волосами, выбивающимися из-под вязаной шапки-олимпийки. - С ними еще трое было, приметы неизвестны, по оперативным данным устойчивое преступное сообщество. Разыскиваются за убийства.

- Рост около ста восьмидесяти, сутулый, на пальцах татуировки-перстни, на лице множественные шрамы от прыщей... - быстро бормоча, начал читать блондин. - Так сразу не приходит ничего на ум. К нам тут близко давно никто не подходит, а в городе таких вывели, в Лихославле тоже тихо, но можно тамошний отдел запросить.

- Знаю, что уехали с колонной на Торжок из Данилова Ярославской области. Своей машины у них не было, поехали с попутным грузовиком, госномер одиннадцать - двадцать три, Казань - Астрахань - Ростов. Ваш грузовик?

- Может, и наш, глянем, все номера у нас есть. Только время займет, в городе машин четыре сотни.

- Могу сам поискать.

Блондин выдвинул ящик стола, достал оттуда журнал с наклейкой «Регистрация транспортных средств», подвинул ко мне. Да, теперь не так, как До Того, в каждой деревне своя регистрация. Зато найти проще.

- А если с вашей машиной ехали, могли раньше сойти?

- Могли. Но водитель на КПП сообщил бы. Если день примерно знать, то можно проверить. Но если бандиты, то ехали они в Вышний. А если в Вышний, то пошли на мотовоз и туда железкой.

- Мотовоз?

- У нас железка от Старицы до Вышнего Волочка цела. Раз в три дня мотовоз ходит с вагонами. Подождали бы здесь, посидели тихо, да и уехали. Если они у нас не в розыске, то что им.

- Машину нанять не могли?

- Без колонны? Сомневаюсь, туда никто не поедет. - Блондин почесал в затылке. - Железкой проще.

- Купить машину могли разве что, - добавил лысоватый. - Легковушек на продажу много, они дешевые. Только зачем?

- Машина у них была, «шишига», но у Грязовца осталась, спугнули их от нее. Грузовик забрали.

- Грузовик тут не купить, самим нужны.

- Могли и легковушку взять, в Вышнем их много, понтуются, - возразил блондин. - Так себе вероятность, но исключать нельзя. Иногда оттуда к нам специально за машинами приезжают.

- А где торгуют?

- Да на Энгельса, в военном городке, почти у платформы.

- Если я там похожу и вопросы позадаю - не удивятся?

- Удостоверение предъявляйте. Если кто борзеть начнет - дайте знать, сами подскочим.

Вместе походить не предложили, но хоть не уперлись, и на том спасибо. Сам потопчусь по городу.

- А ствол можете с патронами носить, - вдруг неожиданно добавил блондин. - Коллега все же. Дайте ваш временный. - И когда я передал ему квиточек временного пропуска, он вписал туда «с правом ношения оружия» и расписался «ст.о.у. Иванов С.М.» - У дежурного печатку тисните. Так проще будет. Хотя у нас тут тихо, - повторил он за остальными.

- Вывели громких?

- И вывели, и сами в Волочек съехали.

- А в окрестных городах ваша власть?

- Осташков, Лихославль, Старица, Селижарово, Кувшиново, села вокруг, где люди есть, на восток до Святова озера - наше, да, наш район. Но не поедут они туда, точно говорю, смысла нет.

- Да я так, представление составляю. А в Ржеве что?

- А в Ржеве военного много было, прилетело туда, - ответил лысоватый, вздохнув. - Воздушный. Не сильно большой, но город все.

- Не светится?

- Нет. Пара пятен есть до сих пор, но они там обозначены. Так даже счетчик почти не трещит. Бологое тоже снесли, по узлу железнодорожному били, похоже. Там тоже все.

Я посмотрел на висящую на стене карту области, разрисованную пятнами разного цвета.

- А в Вышнем чисто, выходит?

- Ну да, как бы они там жили. За Калинином начинается в сторону Москвы совсем беда, лучше не соваться, а от Медного в эту сторону вполне жить можно.

- Понял, спасибо.

- Журнал тут посмотрите или куда поспокойней вас отсадить?

- Могу здесь. Не мешаю?

- Да нет, еще и чаю дадим. Дим, за кипяточком сходишь? - спросил он у блондина.

- Твоя очередь вообще-то, - вздохнул тот. - Принесу сейчас.

Номер машины я нашел быстро. «ЗИЛ-130», бортовой, частный, владелец Бутин Михаил Аркадьевич, домашний адрес - улица Пролетарская, 62. Переписал в блокнот, а блондин, который Иванов Эс Эм, объявления о розыске на подоконнике перефотографировал. Сказал, что себе в ориентировки добавят. На этом, воткнув магазин в «ТТ», я пошел к дежурному, тот хлопнул на пропуск толкушку, и затем я вышел на улицу.

Конец рабочего дня, вон народ по домам идет, нет смысла сегодня свидетелей обходить. Поэтому подумал и направился на рынок, до него тут совсем рукой подать.

Рабочий день точно заканчивался, потому что на базарчике людно было. А так базар как базар, торговые ряды с навесами, сзади несколько маленьких магазинчиков и мастерских. Что до Этого Самого так все было, что так и после осталось. Покрутился, приценился к связке воблы, потому спросил у продавца:

- А пиво-то к вобле есть?

– Вон там возьми, – он показал на магазинчик «Продукты». – Только банку или канистру надо, у них в разлив только.

А верно, вон два мужика идут, у каждого в руке по трехлитровке с янтарно-красноватой жидкостью.

– А где купить можно?

– Там же и купишь.

Ответ немного поразил, но я решил не реагировать.

– Тогда дай связочку. – Я вытащил из кармана брезентовую авоську, развернул.

– Рублик с тебя.

– Не грехи, полтинник цена самая высокая, – не повелся я.

– Да ты глянь, что за рыба!

– Рыба как рыба, больше полтинника не дам. Пересушена к тому же.

– Ладно, уговорил, – вздохнул мужик, опознавший во мне приезжего и решивший поправить дела за мой счет. – Пересушена она ему.

Закинув рыбу в сумку, направился в магазин. То, что там торговали пивом, по запаху чувствовалось. Но с виду пиво вроде ничего было. На бочке, из которой разливали, имелась надпись белыми «Пиво ржаное». Ну да, а каким еще ему тут быть? А так магазин как магазин. Колбаса какая-то, мясо на прилавке, домашний сыр, что-то еще. Соленья в бочках, ими тоже пахнет, даже не знаешь, чем сильнее, ими или пивом. На полке водка и еще что-то в пивных бутылках с сургучом, папиросы и табак в пачках.

– Баночка найдется? – спросил я у грузной тетки в грязноватом белом халате, как раз закончившей отрезать кило колбасы девчонке-подростку.

– Банка рубль, – тетка посмотрела на меня выжидающе.

– А закрыть будет чем?

– Крышка тридцать копеек.

– Ну вот налейте мне банку под крышку как раз. – Я ей улыбнулся, но тетка оставалась мрачной.

Впрочем, пива она налила, дала отстояться и еще долила. Требуйте долива после отстоя пены, все правильно. Вытащила из какой-то коробки пожелтевшую полиэтиленовую крышку, положила рядом, предоставив возможность запечатать банку самостоятельно. Банка пошла в ту же сумку. Рыба бы не намочила вот так рядом лежать.

– И папирос пять пачек дайте, пожалуйста. Еще полбуханки хлеба и колбасы копченой колечко. И вареной грамм двести.

Она так же молча выложила папиросы, отрезала хлеб, кинула колбасу, ту и другую, потом, к удивлению моему, завернула все в толстую бумагу, пощелкала костяшками на счетах и сказала:

– Шесть восемьдесят.

– Пожалуйста, – вложил пятирублевку и досыпал мелочи.

Хоть не с пустыми руками теперь. Подумав, достал банку из сумки и решил нести в руках. Тут недалеко и недолго, ничего с ней не сделается. Потом прошелся по рядам, хотел купить уже там соленых огурцов, да сложить не во что, потекут. За покупками люди со своей тарой ходят, у кого какая есть. Тут хоть в магазинах бумага была, а так ведь все, бумага в дефиците. Если и есть какая газета местная, так ее никто не выбрасывает, идет на растопку да в уборную. Заворачивать в нее что-то – уже роскошь. Историю слышал, как с какого-то склада туалетной бумаги вывезли несколько машин. И не проверили, а та пыли набрала, светится. Вот и наподтиралась ей люди на свою голову. Не голову, если точнее. А вот тут гля, заворачивают. Роскошь, цивилизация. Надо было еще листочек попросить, для воблы, тогда и банку тащить в руках не

нужно бы.

До бани долго еще, но все равно к дому пойду. Там посижу, расслаблюсь. В последний момент, спохватившись, вернулся в магазин и «чебурашку» водки купил. Пусть будет. Мне она нужна иногда. А про бумагу опять забыл.

Все же что-то с плечом делать нужно. Пока шел, банку с руки на руку перекидывал, так вот в левой и минуту нести трудно. И не только плечо, вся рука болит. Плохо это, некстати. Хотя удивляться чему? Пятьдесят два. Даже раньше возрастом уже считалось, а вот теперь, после всего и при такой жизни... Надо физкультуру какую-нибудь попробовать, может быть, разрабатается или что. А то как вообще откажет? У меня еще дел много, а насколько они затянутся...

Сергеевны дома не было, ушла куда-то. Зато на поленнице сидел полосатый кот с таким видом, будто он во всем городе главный. Здоровый кот, прямо зверюга.

– Чего уставился? – спросил я, отпирая замок. – Живу я здесь теперь. Соседи будем.

Ваське, если это именно он, было все равно, похоже. Солидный, важный, небось или мышей наловил, или соседским котам навалял.

– Сейчас выйду к тебе, Василий, дело есть, – сказал я ему.

Стянув сапоги ногами, сбросил их за дверь, прошел в комнату. Банку сразу на стол, пусть стоит, водку же в шкаф убрал, туда же папиросы. Колбасу с хлебом не знаю куда... на кухню? Ладно, потом Сергеевна скажет, пока в сумке все полежит. Открыл окошко, придвинул стул. Пепельницы нет, куда трести-то? А, нет, ты глянь, на умывальнике стоит, причем именно пепельница, да еще и хрустальная, из дорогих. Не было, когда уходил, хозяйка позаботилась, дай бог ей здоровья.

Так, сперва дело. Развернул колбасу вареную, отрезал ножом толстый кружок, порубил его на кубики. Потом вынес все во двор и коту под нос сунул. Тот не отказался, тут же трескать взялся так, что за ушами затрещало. А я обратно вернулся, чтобы не мешать.

Сел к окну, закурил. Не курил ведь до Этого Самого, и потом несколько лет держался, здоровье берег, а дальше... оно как бы и не до здоровья стало, что ли. Может, сейчас бросить? По утрам кашляю, ни к черту не годится, а вот сейчас здоровье нужно как раз, дело у меня. Нет, не смогу.

Взял книгу, раскрыл на заложенной странице. Вроде и все время читаю, и никак не могу отделаться от странного ощущения – как будто сказки все, что в книгах написано. Про другую жизнь, которой нет и никогда не будет. У меня вот мемуары военные в руках, так и войн таких не будет больше. То, что случилось с нами, и войной не назовешь, в один день все закончилось, или началось, тут каждый по-своему считает. Но воевать стало некому и не с кем. Нет, народ после Этого Самого озверел и одичал, смерть не то что обыденностью стала, а чем-то таким, без чего и жизни нет. И люди теперь поделились на людей, не очень людей и вовсе нелюдей, потому что выжили все по-разному. Кто по совести, а кто и людоедом натуральным. И нет такой сильной власти, чтобы могла всех в узде держать.

Власть вроде и есть, от нее вот у меня деньги в кармане, но только не видно ее особо на самом деле. Городами люди живут, районами, каждый сам по себе. Нет у власти сил, чтобы всех к единому знаменателю привести. Страна велика, пути долгие, силы малые. Без власти бы Пятый Год и вовсе мало кто пережил, она спасла, открыв хранилища Госрезерва, а кому-то и мобсклады, но дальше-то что? Сказали спасибо ей, но нет у власти возможности такую территорию под контролем держать. Так, радиogramмы идут, кто-то какие-то планы спускать пытается, им даже в ответ поставки из районов, вроде как в счет плана какого-то, да и все. В обратную сторону кормим теперь, получается. Ну, еще колонны Центроснаба ходят, перекидывают разное нужное из тех мест, где это делают, в те места, где не хватает. В нормальных городах власти и рады были бы, да нечем ей себя проявлять. Может, координируют людей как-то. Тут нацелят хоть какую-то медицину производить, без нее и вовсе беда была бы, от эпидемий бы передохли, тут еще что-то, но... понятно все, в общем. Вроде Деда Мороза, который раз в год с подарком заглянет.

Поначалу власть центральная заметней была. Видели их везде и часто. Но потом... потом все в упадок пришло, и они тоже. Ресурсы техники, запасы топлива, не поездишь уже так на бэтэрах по областям, броня долго не бегаёт, капиталки хочет. А как все это у них закончилось, так и сил особых не стало. Живут где-то сами своими районами, а в чужие не очень и суются. Хотя им даже рады, это как символ теперь, знак того, что мы еще вместе.

Ведь те люди, что к нормальной жизни стремились, пытались создавать хотя бы иллюзию существования в едином обществе. Пусть большинство из них и за десять верст от своего городишки не отъезжало никогда, но все же осознавать, что ты часть чего-то большого... для них это важно. Поэтому у районных «войск» или ополчений оставались военные уставы, милиция пыталась тоже прикидываться «органами», а не шерифами, и так далее. Но в реальности районы соединялись разве что торговыми путями, потому что именно без торговли, как очень быстро выяснилось, жить не получится. Даже табак вот в этой папиресе, что я сейчас курю, привозной с юга. По Волге ехал баржой или чем там, от самой Астрахани вроде. И вот торговцы, которых уже начали величать купцами, и стали и главной связью, и новыми богатыми. Власти не могли и не умели организовать все сами, а кто оборотистый был, тот сумел. Приволок грузовик или теплоходик где-то нашел, прикинул, чего где не хватает, и рискнул, и повез, и вот он уже в этом Торжке купеческий особнячок освоил, но зато в город и табак привезли, и фрукты, и запчасти оттуда, где они есть, и все остальное.

Легковушки тут дешевые, говорят. Они и у нас дешевые были. Вот «уазик» свой дорого продал, чтобы на дело мое деньги были, и вообще все, что у меня было, продал, потому как не держит больше ничего меня на месте, а надо мне ехать, и не знаю, как далеко, но вот можно мне привязанным к железке и колоннам быть? Посмотреть хотя бы нужно.

Стащил с себя пояс с тайными кошельками, открыл, просмотрел пачки купюр. Больше трех тысяч есть у меня, вроде и много, но только на первый взгляд. Тут отдашь, там оставишь, и текут, текут деньги. Вытащил пятерку, посмотрел. Почти как в старые времена, даже картинка та же, но другая все же, не перепутаешь. Не синенькая, а красная. Помню, долго мучился вопросом о том, где же такие качественные деньги печатают, а потом рассказал заезжий человек из «центральной власти» о том, что деньги были напечатаны заранее, на всякий случай. Даже об этом думали до того, как все случилось. Понимали, что как разнесет все в щепки, многие доберутся до всяких мест, где деньги до потолка навалены. Только думали о многом, а результат... да вот он, результат, вокруг меня. Ну хоть деньги сделали такие, что и не подделаешь. Ну и да, за Пятый Год спасибо, выжили.

Спohватившись, собрал к бане свежее белье и два полотенца. Из старых полотенца, китайские махровые, набрел один знакомец на целый магазин, поделился. Даже не потрепанные совсем, теперь это тоже дефицит. С тканями

плохо, со всем плохо, если честно. Гигантские вещевые склады военных, разбросанные по всей стране, только и спасают. По ним не били, нет в этом никакого смысла, вот и уцелели в большинстве своем. Все армейское имущество уцелело почти что, потому как войны и не было, был просто конец света. Били по командным пунктам друг друга, били по военным базам и пусковым установкам, били по союзникам врага, добились того, что мир если и не в труху, то на карачках еле ползает, а вот склады все остались. Не дошли до них руки, да и на кой черт они кому нужны. У нас вон люди съездили проверить арсенал ГРАУ, вдруг уцелел, а он и правда целый, потому что рядом никаких стратегических объектов. И нашли там только пулеметов больше десяти тысяч. Не новых, с ремонта, мобрезерв, но сама цифра... Из другого склада патроны вывозили несколько дней грузовиками, а патронов там всяких... еще с Великой Отечественной лежат. И «ТТ» мой оттуда же, он вообще тридцать четвертого года выпуска, и патронов к нему там хранилось невероятно много.

В соседскую калитку зашел ровно в семь, с узелком со свежим бельем, банкой пива и связкой воблы в руках. Саша, одетый сейчас только в старые солдатские бриджи и майку, стоял на пороге бани.

– Пришел? Проходи, – махнул он рукой. – Ты гля, и пивка взял. А у меня водочка. Одно с другим... да ладно, все полезно, что в рот полезло.

В предбаннике пахло запаренным веником. Я сложил добро на стол и лавку, приготовил полотенца, а у Саши еще и простыни нашлись, вообще роскошь. Баньку саму просторной назвать было сложно, но нам места хватало, и пар она держала хорошо. Саня же обнаружил на себе еще немало татуировок, тоже сплошь морской тематики.

– По молодости, дурак был. На Балтике служил, вот и набил партаков, – объяснил он со смехом. – А бляху с якорем так и посеючас ношу.

– Это тебе на Балтике прилетело? – Я показал на явный след сквозного пулевого на правом боку.

– Не, это уже потом, семь лет назад. На колонну напали. Так отбились, но меня уже еле живым привезли. Я тогда в Кувшиново жил, родом оттуда.

– А как сюда перебрался?

– Женился сюда, к жене переехал. А потом с мужиками гараж открыл, вроде как деньги появились. Живу, нормально все. Я и в Кувшиново в гараже работал, на бумажной фабрике.

– Это оттуда бумага здесь?

– Оттуда. Там фабрика старая, оборудование от царя-батюшки еще, вот и работает до сих пор. Из торфа. Тут у нас все из торфа. Торфом топим, из торфа бензин, из торфа бумага, только жрать его еще не начали. Я все, упарился, пошли по чуть-чуть примем.

– И то, – согласился я. Пару поддали неслабо, потом еще зайдем.

На столе стояла уже открытая «чебурашка», в алюминиевой миске навалом соленья, хорошо, что покупать не стал, хлеб порезан и кралька колбасы копченой, пахнувшей чесноком. Саша быстро разлил по половине стопки, придвинул одну ко мне, сказал:

– Ну давай, за знакомство.

Я взял очки со стола, надел. Затем чокнулись, выпили, захрустели огурчиками. Саша быстро разрезал колбасу на толстые куски, положил пару на хлеб, откусил, кивнул:

– Ты угощайся. Заодно и ужин.

– Спасибо, – не стал ломаться я. – Расскажи про Вышний. Что там у вас за дела творятся?

– Они сами по себе просто. На районную власть болт покляли. Но мы к ним не лезем, ну и они... хотя как сказать. Там бандитов много, есть вообще беспредельные. По воровским понятиям город живет.

– И до войны не дошло?

- Тут видишь какое дело... - Он пригладил мокрые волосы. - Так они где живут - не гадят. Только если совсем беспредельщики. Но с такими их старшие тоже разбираются. Если и ходят грабить, то далеко. А так город как город, торгуем, даже железка к ним идет. От нас торф берут, бензин, от них лес, рыба. Вобла вот точно от них, - он пихнул пальцем связку. - Они ее там вообще разводят, в Тверце много не наловишь. Доска оттуда идет, там лесопилки две работают. Много что.

- А что говорят, что туда поодиночке никто не ездит?

- Это на машине если, отнять могут. Я точно не поеду. «Зеленые» все больше вокруг по деревням живут, чтобы не нарываться, так вот на них самих и нарвешься. Лес большой, и не найдут. А машина уйдет и с концами.

- А поездом?

- Поезд прямо дотуда, там спокойно более или менее. Народ отсюда ездит, ничего.

- А что за «зеленые»?

- Да погнали так самых диких, кто в деревнях прячется. Не знаю, откуда пришло. С революции еще, говорят. Давай еще? Между первой и второй перерывчик небольшой, сам понимаешь.

- Ну давай.

Наливал он понемногу, не напиться, а растянуть бутылку хотел, так что не страшно. Опять подняли, чокнулись.

- Ты говорил, что тут легковушки дешевые. Почему будут?

- Да что почему. Натащили их много, целая стоянка. Со всего района вывозили, даже из Калинина. Грузовики берут, но как удержишься? Легковушку на жесткую сцепку и сюда. И вот те результат: грузовики в дефиците, а легковые стоят. Машина нужна, что ли?

- Да взял бы что-то, если совсем недорого.

- Тебе где кататься? Ну, я в смысле - по городу или как?

- «Или как» хотелось бы.

Вот прямо сейчас у меня подозрение возникло на то, что те, кто мне нужен, как раз «зеленые» и есть. Пешком по таким делам не находишься. Я знаю, я за такими десять лет гонялся, сперва опером, затем начальником.

- А ты откуда сам? - спросил Саша.

- Калининский я, что интересно. Военный. Служил в Теплом Стане, в мотострелковой бригаде, перевели из Афгана за год до Этого Самого. Когда шарахнуло, были в отпуске с семьей, у родителей жены, за Рязанью. Никуда не успел, да и вызвать тоже не успели. Хотели сперва в Калинин, но ни через Москву, ни мимо нее никак. И Рязань снесли. Поехали вокруг, да не доехали, в Вологодской сослуживца встретил неожиданно, тот из Грязовца. Вот он к себе и затащил, там осели. В Калинин смысла не было, все одно нежилой.

- На Калинин две упали. Наземный был на пятьсот тринадцатом и воздушный над Мигалово, над аэродромом рванул. - Саша чуть помолчал. - Мы ездили туда, вывезли очень много. Карабин мой как раз из Мигалово. А так вымер город. Кто разбежался, а так погибли больше. Туда и сейчас заезжать страшно. И за Волгу лучше не лезть, хоть новый мост цел остался, там и радиация до сих пор, и химия местами какая-то, говорят. А у Мигалово чисто почти везде. Семья жива?

- Нет, погибли. Все погибли.

Я подробности рассказывать не стал, а он спрашивать постеснялся, хоть и понял, что пережили они удар. И хорошо, что постеснялся, спасибо. Не хочу я об этом ни с кем.

- А что-то для проселков найти можно все же?

- Можно. Знаю одну. Но за нее заломят штуки полторы, не меньше. Хочешь, покажу завтра.

Три у меня есть. Половину за машину? А с другой стороны, что мне с этих денег? Проживу как-нибудь.

- Что за машина хоть?

- «Луазик», - он усмехнулся. - Зверь машина. Не вру, серьезно, народ не втыкает просто. И жрет немного, это тебе не «козел». Движок запоровский, подвеска железная.

- Ломаются там движки, я слышал.

- И на коленке чинятся. И запасные есть у нас, снимали. Так «запоры» вообще не берут. Кому понтоваться, то смеяться будут, кому для дела, так на фиг не нужен. А этот ездил мало, побегает пока.

- Ну, покажи завтра. Попарюсь еще, с веничком.

- Давай. А я тебя тогда подниму, как на работу соберусь, в восемь. Годится?

- У меня будильник есть, встану. Ты бибикни просто.

- А у меня бибика сломана, - засмеялся он. - Свистну.

Напарился, опьянел малость, потому что мы и водку выпили, и пиво до капли. Пошел к себе в чистом. Вечер прохладный, но после баньки хорошо даже, приятно. Я на крыльцо вышел, а ко мне Васька подсел.

- Не куришь? - спросил я его. - Ну и правильно, здоровье дороже. А я покурю, - и полез за портсигаром.

Тихо вокруг, только собаки где-то брешут. Небо уже в закат раскрасилось, тучи разошлись, дождем не пахнет даже. И ветра нет почти. Так вот смотришь, и кажется, что вроде как даже нормальная жизнь кругом, и не было ничего, а все приснилось. И теперь ты проснулся, и дальше все будет хорошо. А про то, что ничего нормального не будет, думать не хочется.

– Это тебе, Василий, хорошо, – сказал я коту, выпустив дым в небо. – Как были тут все дворы твои, так и дальше будут. Статус-кво. Ладно, пойду я спать, что ли.

Хозяйка уже точно спит, в ее комнатку дверь закрыта, да и тихо в доме все время. Прошел к себе, закрылся. Подумав, достал бутылку водки, сдернул пробку, и просто приложился к горлышку на несколько глотков. Отломил от так и лежащей на столе колбасы кусок, зажевал. Может, так уснуть получится. Потому что как лягу, так все сразу и вспоминается. И как днем ни пытаешься жить, а к ночи все кошмары возвращаются. Не сны, настоящие кошмары, реальные.

2

Маленький походный будильник разбудил меня в восемь. Не открыв еще глаз, нащупал очки на полу у кровати, надел, потом оттуда же взял ковшик с водой, что с вечера приготовил, приложился, чуть не весь выпив разом. Поднялся, надел офицерские галифе, пошлепал на кухню горячей воды попросить. Сергеевны дома не оказалось уже, но к радости своей я на плите нашел кастрюлю если не с кипятком, то с еще вполне теплой водой. Набрав в тот же ковшик, вернулся к себе в комнату, достал из шкафа коробку с зубным порошком, щетку, мыло с помазком и бритву. Намылил физиономию, глядя в маленькое помутненное зеркало, попробовал бритву. Можно еще бриться, хоть и дерет уже, но лезвий мало в запасе осталось, так что лучше потерпеть. Черт бы побрал эту «Неву», тупится почти сразу. Машинки вот я видел для заточки безопасных бритв, хвалит народ, но редкость. Найти бы такую.

После бритья одеколоном побрызгался, «Шипром», тем еще, со старых времен. Кожу защипало, но как-то легче стало, а то после такого бритья вся она огнем горит. Постричься надо бы, поищу парикмахерскую.

Когда Саша свистнул за воротами, я был уже одет и готов. И даже Ваське вареную колбасу дорезал и честно отдал. Едва я сел, «пирожок» тронулся с места.

– Поехали, сразу покажу машину, посмотришь.

- К платформе?

- Не, она в другом месте. Мужик из мародерской бригады, он ее себе взял, да поранился до гангрены, правую ногу отняли, водить теперь не сможет. Как раз продать решил, а тут ты. Так бы хрена она застоялась, забрали бы уже. На Демьяна Бедного поедем.

А, теперь понятней становится. Так я тоже удивился, что машина для бездорожья задержаться могла. Там, в Грязовце, такая же картина, легковушек вокруг много, да не нужны. Свой «уазик» я сам в рейде нашел, в гараже заброшенном, так потом и ездил, и то начальство несколько раз намекало, чтобы я его городу продал, но я упирался. Ссылался на то, что я на нем только по службе и гоняю на самом деле. Но бензин с города брал исправно.

- Не продал он ее еще?

- Не должен. Посмотрим.

Саша провез меня уже знакомой дорогой, но рядом с райотделом свернул правей. Проехали длинное старинное здание торговых рядов с вывеской «Универсам центральный», следом второе, уже двухэтажное, но закрытое.

- Универсам работает, что ли?

- Ага, мародеры снабжают. Там все подряд. Если мелочь какая нужна, то тебе туда.

- А оружейный есть?

- Есть, конечно, где его нет. Рядом с райотделом.

- А я не видел, был там рядом вчера, - удивился я.

- Дом, где сберкасса, другой подъезд.

- Не обратил внимания, спасибо.

Оружия много, куда больше, чем людей осталось, наверное. В нормальных городах им власть торгует обычно, все в бюджет идет. Как в том же Вышнем Волочке – даже не знаю.

– А что нужно?

– Патроны, может быть. Как с этим?

– Есть. И заводские, и передел. Передел дешевле, конечно, но сам понимаешь.

Патроны у меня есть, но не то чтобы очень много с собой. Все в одном рюкзаке тащу, сколько там унесешь на три-то ствола. Полезно знать.

Дорога обогнула бюст Пушкина на постаменте, вывела на мост через Тверцу. Там покрытие вообще кошмарным было, ям куда больше, чем асфальта. Да это и понятно, на мосту еще и вибрация, и снизу он промерзает. Теперь любой мост – чистый кошмар, и радуешься, что вообще на месте стоит. На том берегу показался ряд особняков, обшарпанных и грязных от сажи, затем опять потянулся частный сектор, утопающий в кустах сирени и заросший вдоль дороги старыми березами. И на дрова их, гля, не пустили. Впрочем, если тут торф всегда был, то им проще.

Пятиэтажек пятно, и опять частный сектор. Все маленькие городки средней полосы похожи друг на друга как две капли воды. Торжок еще древний, тут со старых времен попадается много, но если исключить, то разбуди тебя в таком городе, выпусти – нипочем не догадаешься, где ты сейчас есть.

Повернули несколько раз, выкатились на узкую улицу, похожую на Белинского, где живу, только без канав у обочин. Зато луж вдоль заборов со вчерашнего дождя хватает. «Пирожок» остановился у зеленого дома с забором из крашенного суриком железного листа, Саша сказал, глуша двигатель:

– Погодь, проверю, дома он вообще или как.

Зашел в калитку, затем я услышал стук в дверь, после чего мой проводник снова возник в калитке и махнул рукой:

– Заходи, Гена дома.

С крыльца застекленной веранды мне навстречу спустился мужик лет под сорок, крепкий, с подвернутой штаниной и опирающийся на костыли.

– Доброе утро, – поздоровался я. – Сергей.

– Геннадий, – протянул он мне руку. – Саня говорит, что «луазик» взять хотите?

– Посмотрел бы. Есть такая мысль.

– Ну вот и у меня есть мысль продать, – вздохнул он. – Лишний теперь. А по городу ездить – «жигуля» возьму. Пошли. – Он повел нас к кирпичному гаражу в глубине двора.

Инвалид, но во дворе порядок полный, почти военный. Да и сам Гена чисто выбрит, стрижен, одет чисто и опрятно. Видно, что не сломался мужик, жизнь у него продолжается. Сам открыл замок, только ворота ему Саша помог распахнуть.

– Смотрите. – Он вытащил из кармана брюк ключи и передал мне.

Серенький маленький автомобиль с брезентовым тентом. Дверка водительская заперта. Я отобрал на колечке ключ поменьше, отпер машину. Втиснулся за руль. Да, инвалиду тут уже не очень будет, и порог высокий, и дверной проем как-то подрезан спереди, ноги поднимать и высоко задирать приходится. И посадка чуть странная, ноги высоковато, а задница низко. Сиденья знакомые, от жигулевской «копейки», с вертикальной простежкой. А панель от «запора», похоже.

Вытянул подсос, повернул ключ в замке. Мотор затарахтел неожиданно громко и звонко, особенно в гараже. Гена с Сашей отступили в сторону, хозяин махнул рукой, крикнул:

– Выезжай!

Поддав газу, чтобы на холодную не заглохнуть, выгнал машину на улицу, чуть убрав подсос, снизив обороты. Так потише стало, зато вибрация никуда не делась. Огляделся. Места сзади на удивление много для такой машинки, зато вбок посмотреть проблема, перед носом оказывается стойка. Похоже, что из-за сдвинутой назад передней оси такая вот малость дурацкая компоновка получилась.

Посмотрел мотор, посмотрел под машину снизу. Так вроде все нормально, она и суриком с днища обработана, и все полости явно мовилем залиты, по всей водительской мудрости. На счетчике чуть больше пятнадцати тысяч.

– Почти новая машина, – сказал Геннадий. – Под себя тащил, не ожидал вот, – он покачал культей. – Хрень получилась, вроде и рана маленькая была, и мы далеко, лечил как мог, а когда вернулся, то уже все, отпилили. Теперь только по городу жизнь.

– Ты завмагом теперь? – спросил Саша.

– Да вроде как, ребята выдвинули. Вы бы прокатились, попробовали на ходу, – предложил он мне.

– Да, спасибо, – кивнул я.

Саша распахнул ворота и я, убрав уже подсос окончательно, выехал на улицу. Остановился. Так, рычаги... отключение заднего моста, блокировка межосевого. Все как у больших машин. Недаром эту тархтелку для армии делали на самом деле.

Проехал вокруг квартала, поражаясь вибрации, от которой даже изображение в боковом зеркале расплывалось, и раздражаясь необходимостью наклоняться вперед на каждом перекрестке. Но при этом машинка ехала, пусть и не слишком плавно глотая ямы, а подвеска все толчки точно держала. Она тут дубовая, а сам экипаж легенький.

– Ну что? – спросили меня хором, когда я заехал обратно во двор.

– Да отлично, – кивнул я, с трудом выбираясь через странную дверь и стараясь не измарать брюки о порог. – Сколько за нее?

– Тысяча шестьсот.

– За полторы прямо сейчас бы взял.

Гена подумал пару секунд, затем кивнул.

– Лады. Нормально. Но вот именно сейчас, так?

– Деньги с собой. Как у вас с этим дальше? Что регистрировать?

– В милицию подъехать надо обоим, там в книгу запишут нового владельца, да и все. Поехали? Сань, подвезешь? А то мне в этот и не влезть уже, нога пока плохо гнется.

– Вообще не вопрос, – решительно заявил Саша. – И туда отвезу, и обратно.

– Обратно не надо, у «Центрального» высади, мне туда нужно. Подождите тогда, мне собраться нужно.

В общем, через час я уже стал владельцем этого «луазика», а мои запасы денег уменьшились почти что вдвое. В подарок получил пустую канистру и целый фанерный ящик запчастей. И вместо одной запаски целых две. Одна на заднем борту висела, а вторая лежала в багажнике. Потом выпросил у дежурного райотдела, как доехать до Пролетарской, дом шестьдесят два. Оказалось, что совсем недалеко и опять на тот берег. Перебрался туда через узкий мост, пропустив встречную машину, потом поехал через старый район, слева река, справа косогор, и кругом привычный уже купеческий стиль. Торговал раньше городок со всеми, перекрестком был, не даром и название такое торговое. Попалась большая и, к удивлению моему, еще и побеленная церковь, возле которой собралась стайка бабок, потом вдрызг разбитая дорога привела опять в частную застройку. Нашел нужный дом, постучался, из окна выглянула молодая женщина, представившаяся женой Бутина Михаила Аркадьевича и страшно разволновавшаяся, увидев удостоверение, но я ее сразу успокоил, сообщил, что

муж ее гражданин достойный и никто никаких претензий к нему не имеет. И тогда она направила меня на вагонный завод.

– Там он сейчас, на складе. Проходную увидите, но там открыто всегда. Вот как в ворота въехали, так вот так, – она показала рукой, – и вот так потом. И прямо склад и будет, там вывеска «Горснаб».

– Понял, спасибо большое.

Может, и хорошо, что машину взял. Походить пришлось бы, я чувствую.

Вагонный завод даже как-то работал, похоже, потому что из цеха доносились характерные звуки работы по металлу, а по подъездным путям цеха катил маленький маневровый с двумя платформами металлоконструкций. Гражданин Бутин, оказавшийся высоким и худым мужиком лет тридцати, нашелся, где жена и сказала, у склада, сидящим на бампере своего «зилка». Он с любопытством посмотрел на подъехавшую машину, а когда я из нее выбрался, сразу спросил:

– Гены Дроздова машина, нет?

– Точно. Была. Продал он ее. Вопрос у меня к вам есть.

Я предъявил удостоверение.

– Что за вопрос? – Бутин насторожился.

– Примерно четыре месяца назад, в апреле, у вас был рейс до Данилова Ярославской области и обратно, так?

– Вроде был, – ответил он осторожно.

– На обратную дорогу подсело шесть человек, одна компания, только мужчины. – Я сказал это утвердительно, не в форме вопроса.

– Помню, подсели.

- Они с вами до Торжка доехали или сошли по дороге?

- До Торжка, точно.

Это уже хорошо, они там паспорта предъявляли. Это мало что значит на самом деле, бланков паспортов в любом пустом городе в милиции набрать можно, но все равно зацепка. Хотя бы узнаю, как они представляются там, где нужно быть осторожными.

- После КПП они с вами ехали или пешком пошли?

- До площади Воробьева довез. Там я сюда свернул, а они дальше пешком пошли. А в чем проблема?

- Проблема в том, что бандиты это, убийцы. Ищем их.

- Ох ты ж... - Бутин крякнул и в задумчивости почесал затылок. - Прямо чувствовал, что брать их не надо, бандиты натуральные, просто я бы не взял, они бы к другим подсели. Восемь машин шло в колонне.

- Да к вам никаких претензий и нет. Вы сами с ними не разговаривали?

- Нет. Я же за баранкой, они в кузове. Даже и не видел, считайте. Но с виду точно бандиты, все с «калашами».

Я вытащил объявления о розыске, показал ему:

- Этих среди них видели?

- Вот этого видел. - Он уверенно ткнул пальцем в портрет Шиги. - Был такой волосатый, в «петушке» олимпийском.

- Еще кого-нибудь помните?

- Худой такой был, лет... ну не знаю, как вам, наверное. Нос сломан, прямо сплюснен, и вот так шрам в углу рта, в серой кепке такой простой, - он показал

на себе пальцем. – Он у них за старшего был, точно. Он и договаривался. Да, все пальцы в перстнях, аж синие. Вот на этом, – он показал средний на правой руке, – «дорога на малолетку». Видел такие раньше.

– Как они его звали, не помните?

– Нет, может, и вообще никак не звали.

– Приметы других?

– Нет, – покачал он головой, – не присматривался особо. Только этих двоих запомнил.

– Понял, спасибо за помощь. – Я протянул ему руку. – Всего хорошего.

– Вы извините, что так вышло, – развел он руками.

– Да что вышло? – отмахнулся я. – Не вы, так другой подвез бы. Все нормально.

От вагонного поехал на КПП, где пришлось минут десять ждать сначала начальника смены, а потом ждать, пока тот дозвонится до оперов и те подтвердят мои полномочия. Но дальше уже знакомая тетка достала журнал регистрации и довольно быстро нашла нужную запись.

– Вот эти, похоже, все вместе записывались. Как раз шестеро подряд, – она ткнула пальцем в несколько строчек, выписанных почти каллиграфическим почерком. – Перед ними женщина, за ними тоже. А больше, так чтобы подряд, и нету.

Разумно.

– Я выпишу данные?

– Пишите, не жалко. – Она подвинула журнал ко мне.

На всякий случай и данные соседей по списку взял. Пусть будут. Мало ли что.

- У вас на мотовоз как садятся? По паспорту?

- Да, только по паспорту, все как здесь.

- То есть записывают все? - уточнил я.

- Обязательно записывают.

- Спасибо. А где платформа у вас?

- На Энгельса, где переезд. Раньше за городом была, но перенесли. Знаете, где Энгельса?

- А подскажите.

- Где вагонный завод, знаете?

- Знаю. Был там.

- Не доезжая дотуда немного, там такой дом длинный, весь первый этаж магазины, а потом поворот направо. И там упретесь.

- Еще раз спасибо.

Тогда на платформу, попробую там уточнить. Дату заезда уже знаю, так что смотрим ближайший мотовоз с нее. Ничего сложного.

Опять втиснулся в свою коробочку. Когда-нибудь привыкну, наверное, но пока очень уж странная посадка. Вытащил папиросу, смял, закурил, открыв ветровичок. «Луазик» весело затарахтел двигателем и бодро повез меня от КПП в сторону города. Да, удачно я его взял, так бы весь день пришлось пешком топтать. Городишко хоть и маленький, но туда-сюда - и до вечера прогуляешь, а заодно и опоздаешь везде.

На улице асфальта уже почти что и не осталось, считай что по грунтовке еду. Опять смесь пятиэтажных хрущевок и частного сектора. Свернул направо,

покатил по очередной улице. Заметил мебельный, в котором, кажется, именно мебелью и торговали. Как у них со сбытом, интересно? Только на новых богатых рассчитано? Тут половина мужиков точно предпочтет мебель самим сделать, да и стоит она потом долго, что покупать? Или это мастерская? Ладно, раз открыты, то кто-то покупает. Парикмахерскую надо бы найти, кстати, давно пора. Длинная кирпичная пятиэтажка поновей, вот она явно плотно заселена. Наверно, планировки получше, вот народ и расхватал жильё.

А вот и длинный дом с магазинами, как женщина с КПП и сказала. За ним направо. Пятиэтажки, затем слева стоянка попалась, действующая, со сторожем или кто там у них на воротах. Вот тут и можно, получается, машину оставить. Ну вот, как раз переезд, а справа от него платформа. Деревянная, на кирпичных столбиках, уже «новой», так сказать, работы. Мимо неторопливо протащился какой-то железнодорожный экипаж вроде платформы с кабиной и стрелой, груженный рельсами. Рельсы не новые, явно откуда-то сняли. А за платформой штабель деревянных шпал, пропитанных креозотом. Или чинят, или даже строят где-то ветку. У лестницы на платформу вагончик, на нем написано «Касса», а под листом стекла бумажка какая-то. Не расписание, часом?

Свернул с дороги, остановился, вытащил себя из кабины. Ну да, так и есть, расписание. Когда мотовоз на Вышний? А послезавтра, в восемь утра отправляется. Вполне нормально, мне подходит, все равно туда ехать придется. Максимум, что я смогу еще тут выяснить, так это где банда останавливалась. Хорошо если в гостинице, тогда можно будет о приметах расспросить, если помнят их там.

За главного в кассе сидел какой-то дедок в потрепанной железнодорожной форме. Я показал ему свое удостоверение, на что он кивнул и сказал:

– Предупреждали меня, опера наши с утра заскакивали. Даже портреты оставили, – он показал два снимка с лицами.

– Вот список из шести человек и дата. – Я протянул ему выписку, взятую на КПП. – После этого дня когда первый мотовоз был? Мне бы проверить, отправлялись такие или нет.

– А глянем сейчас, найдем. – Он выдвинул ящик стола и вытащил оттуда журнал. – У нас порядок, все ходы записаны, не сомневайтесь.

Я и не сомневался, глядя на солидного дедка.

- До этого всего где работали?

- Да здесь и работал, на электричке, машинистом. Не совсем здесь, ну ты понял. Так, вот нужный день. - Он нашел страницу. - Были такие. Все шестеро. В Вышний Волочек отправились, прямо так, хором.

- Сами их не запомнили, часом?

- Нет. Не помню, - дед покачал головой. - Совсем не помню.

- Ладно, спасибо за помощь.

Теперь в гостиницу. Их в городе две, одна знакомая уже, у рынка, вторая вроде как попримечательней и подороже, «Торжок» называется, на Карла Маркса. Вот, кстати, такое ощущение, если по названиям улиц судить, что до революции в Торжке жизни и не было. И самого Торжка не было, даром что это один из самых древних городов в России, тут всегда жизнь ключом била. Пока только что улицу Пушкина видел, так Пушкина в каждой деревне имеется. Или имелась. А Маркс про Торжок отродясь не слышал, а поди же ты, улица. И Энгельсу отдельную выделили.

Так и поехал, с Энгельса на Маркса через Дзержинского. И вскоре подкатил к обшарпанному двухэтажному старому зданию, на первом этаже которого, тем не менее, размещался «Ресторан „Торжок“». Не тут ли местное купечество по вечерам собирается? Перед гостиницей сразу четыре машины, «Нива», серый «уазик» и сразу две черные «Волги». Это уже точно свет местный, потому что «Волга» может только по городу и кататься, а кататься по городу, как я уже говорил, смысла нет. Исключительно себя показать. Я приткнул свою тарахтелку к крайней машине и направился, затушив папиросу каблуком, в подъезд.

Внутри гостиница выглядела... как любая запущенная провинциальная гостиница для командированных. Стойка с табличкой «администратор», за стойкой тетка с высоченной прической «вшивый домик» и огромными серьгами. Широкое лицо, яркая помада, яркий лак на длинных ногтях на толстых пальцах. Это порода такая специальная, наверное, подобные всегда гостиницами и правили. Сразу захотелось сунуть червонец в паспорт, чтобы номер нашелся,

даже если в гостинице половина номеров пустые.

- День добрый. - С ней я сразу начал с удостоверения. - Вопросы к вам имеются.

- Ко мне? - Она чуть опешила. - За что?

- Вопросы, я сказал, не претензии покуда. Вот этого числа вот эти люди могли заселиться в гостиницу. - Я показал ей список. - На два дня. Проверьте, будьте так любезны.

- А что они натворили? - тетка насторожилась.

- Бандиты это. Убийцы. Так что давайте регистрацию постояльцев проверим.

Гостиница городская, так что тут правила должны быть железные. Но тетка смутилась. Сильно.

- Что? - спросил я.

- Не было у нас таких. - Та вдруг чуть не рявкнула. - Не заезжали.

Понятно. Так заселила, просто денег взяла. Но сейчас упрется, если с ней спорить начать. Так что я просто сказал:

- Как хотите. Дальше будете объяснять понятно кому, да? Свидетели есть их заселения, я сюда не просто так пришел. А учитывая, что это особо опасные преступники, на этом можете с работой прощаться. Всего хорошего, - я развернулся и пошел к выходу.

Окликнет или нет?

Окликнула.

- Сергей Павлович!

Ты гля, запомнила даже отчество с удостоверения, даром что мельком глянула. Если она их помнит, то может и полезной оказаться.

- Что? - обернулся я.

- Потерялся у нас старый журнал регистрации, - тетка зачастила, - но я их вспомнила, вот прямо сейчас вспомнила.

- Да? - переспросил я недоверчиво. - Вы уверены?

- Совсем уверена, с места мне не сойти!

Я вернулся к стойке.

- Вас как зовут?

- Тамарой. Тамара Сергеевна, Поляшова. Можно Томой звать.

- Тамара Сергеевна, вы без регистрации заселили особо опасных преступников, - проигнорировал я предложение перейти на дружеский стиль общения. - Деньги положили себе в карман. Тихо! - Я поднял руку, прервав ее, когда она собралась возразить. - Но я хозяйственными делами не занимаюсь, так что вам лучше дать самые подробные показания. Постарайтесь.

- Не брала я денег, - сказала она упрямо. - В кассу положила. А журнал потерялся.

- Вы к делу давайте.

- Было такое, заехали. Шестеро. И вот эти двое были, - она ткнула пальцем в портреты.

- Главного как у них звали?

- Прокопом они его звали. Как в книгу записала, не помню, - добавила она на всякий случай. - А так все Прокоп и Прокоп.

- Руки в татуировках, около пятидесяти лет, сломанный нос и шрам в углу рта?

- Он! Он самый. Еще молодой был, рыжий, уши такие смешные, круглые, торчком, они его Чебуром звали. Вот он и вот этот, - она показала на портрет Шиги, - у них вроде как младшие были, их везде гоняли, подай-принеси. Еще один был черненький такой, вроде кавказца, худой, маленького роста, шустрый, звали Саидом. У него еще родинка вот тут большая, - она ткнула ногтем себе в толстую щеку. - Нет, вот тут, - другой ноготь теперь ткнул в щеку противоположную. - И последний... - Она задумалась. - Последний был высокий, здоровый, видный такой мужчина. Прапором они его звали. Точно, Прапором.

- Опишите его.

- Ну, высокий такой, видный, вежливый даже. Волосы светлые, так вот набок зачесаны, - она рукой показала. - Нос... крупный такой нос. Прямой, но крупный. Голос сильно хриплый, да, как простуженный. Да, мизинца на левой руке нет. Не совсем, а половинка осталась.

- Татуировки?

- Нет, никаких татуировок. Ну, где их видно.

- Что они делали?

- Пили в ресторане все время. А так не буянили, не мешали никому, тихо себя вели. Так пьяными и съехали.

- К платформе как они двинули? Пешком? Подвез кто-то?

- Повар наш их отвез, Коля. На «рафике». Заплатили ему.

- А Коля здесь сейчас?

- Позову, - с готовностью подкинулась она с кресла.

- Да я сам с ним поговорю, - остановил я ее. - Вы мне вот что скажите: они с кем-то из местных общались?

- Если в ресторане только, а так все сами.

- А в ресторане с кем могли?

- Не скажу, не знаю. Сюда каждый день одни и те же ходят, поэтому не запомнишь.

- Я понял. Пойду с вашим поваром поговорю. Спасибо за помощь.

- Пожалуйста, - Тамара Сергеевна испустила вздох откровенного облегчения, хоть я ей пока ничего не обещал.

Ресторан был... вот как и гостиница, такой типичный провинциальный ресторан. Но на столах скатерти и даже салфетки в полосатых пластиковых стаканчиках. На стенах картины, все больше пейзажи, наверняка из краеведческого музея какого-то вывезли, потому что все больше средняя полоса изображена, церкви на фоне леса и все такое. На потолке знакомые по старым временам люстры из пластика «под хрусталь». А вот стаканы и бокалы хрустальные, чешские, я такие помню, дефицитом были, признаком благосостояния, можно сказать. Пахло жареным мясом. Заняты три столика. За двумя небольшие компании, причем одна с женщинами, за третьим один мужчина с газетой сидит, пиво пьет. Радио включено, играет музыка какая-то.

Что не совсем типично - барная стойка, причем явный новодел, больно уж не в стиль. За ней на высоком табурете сидит то ли бармен, то ли официант - средних лет мужик в белой рубашке и даже с бабочкой. Он вскользь посмотрел на меня и снова уставился в окно. Не знаю, что он там увидел, потому что окно почти полностью кусты сирени закрывают. Навстречу мне вскакивать не стал, не счел клиентом, наверное, по одежке встретил. Ну да, на мне офицерские брюки в сапоги и брезентовая куртка, а купечество местное, как я посмотрю, сплошь в «новоделе», в костюмах индпошива, так сказать. Ткань, кстати, сейчас чуть не самый ценный товар из всех, что мародерам находить доводится.

- Вы куда? - вскинулся официант, когда я направился на кухню.

- Туда, - я показал пальцем на дверь с окном и тут же махнул удостоверением: - Милиция.

- А-а, - протянул тот и плюхнулся на свое место.

В кухне я нашел двоих. Молодая женщина быстро резала овощи, а мужчина лет тридцати задумчиво смотрел в кастрюлю, из которой валил пар.

- Супчик? - спросил я с порога.

- Борщик, - в тон мне ответил он. - Сюда только персоналу вход разрешен.

- Милиция, - я показал удостоверение. - Есть пара минут на вопросы ответить?

- Прямо сейчас нет, занят очень. Дайте десять минут, чаю в зале попейте, например. Хорошо?

- Как скажете.

- Базиль! - Повар, высунувшись в окошко, окликнул официанта. - Кофейку сварил пока товарищу из милиции, хорошо?

Базиль, в миру наверняка откликнувшийся на Василия, с готовностью кивнул:

- Не проблема, сейчас сварю.

Кофейку. Интересно, когда я в последний раз пил настоящий кофе? Если считать настоящим растворимый, то лет пять назад, натащили тогда его в город во множестве, в герметичных банках, завалывшихся на уцелевшем складе. А так цикорий, который мне сейчас Базиль и сварит. Но зовем мы его «кофе». То ли по инерции с былых времен, тогда тоже такой продавался, сверху «кофе» написано, а ниже маленькими буквами «цикориевый», а может быть, просто хочется думать, что вот у нас и кофе есть, совсем жизнь почти что нормальная. За второе голосую.

Базиль быстро сварил турку кофе, перелил в чашку и принес ее мне на маленьком блюде, выставив рядом фаянсовую сахарницу с цветочками.

- Сколько с меня?

– Да вы что, не надо денег.

– Сколько? – повторил я.

– Тридцать копеек.

Я отсчитал, сколько сказано, высыпал ему в ладонь. Не надо, лишнее это все.

Да, цикорий как цикорий, но все равно приятно. Может быть, самому купить? Вроде бы видел в магазине пачки.

Мужская компания говорила негромко, а та, что с женщинами, смеялась постоянно. Там крепкий такой круглоголовый мужик в черном свитере все какие-то байки рассказывал, но я не вслушивался, больше оглядывался. Да, создало местное купечество себе какой-то личный мирок. Общество, не сдерживаемое рукой советской власти, все равно расслаивается. Впрочем, оно и раньше расслаивалось, при этой самой советской власти, просто по другим принципам. Начальники в одну сторону, «работники советской торговли» в другую, ну а масса в третью. Теперь просто принципы чуть изменились.

Повар ровно через десять минут и подошел, как обещал. Сел за стол напротив меня со стаканом холодной воды, спросил:

– О чем вы поговорить хотели?

– Вы шестерых людей отсюда отвезли на платформу к мотовозу. – Я выложил портреты. – Среди них вот эти еще были.

– Да, было такое, – сразу же ответил он. – А в чем преступление?

– Ни в чем. Отвезли и правильно сделали. Мы людей этих ищем, вот поэтому у меня вопросы. Они же здесь два дня в ресторане сидели до этого, верно?

– Верно, почти не выходили.

– С кем-нибудь из местных общались?

- Тут лучше у Базиля спросить, я же на кухне все время.

- А «рафик» ваш?

- Гостиничный. Или ресторанный. Продукты возим, белье из стирки и все прочее.

- Они по пути о чем-нибудь разговаривали?

- Ну... вроде бы. - Он задумался. - Так всего не припомню, хоть и прислушивался...

- А почему прислушивались?

- Да какие-то они такие... - Он сделал неопределенный жест. - Бандиты они, короче. Неприятно рядом с ними. Поэтому и так... настороже был.

- И что-нибудь из разговоров запомнилось?

- Да. Они собирались встречаться с каким-то Монголом, это кличка, как я понял, и идти в «Сказку».

- «Сказку»?

- Это бордель в Вышнем, про него все слышали. И даже казино.

- А Монгол кто такой?

- Тут ничего не скажу, не знаю. Они много трепались, вообще бухие были, допоздна сидели в ресторане и потом до утра керосинили в номере, закуску с водкой с собой взяли.

- У платформы как все было?

- Никак. Я их высадил и тут же уехал. Даже не видел, как они пошли дальше.

– В гостинице не шумели?

– Нет, они довольно тихо сидели. Я еще тогда подумал, что точно стараются внимания не привлекать. Как-то они... ну вроде как случайно сюда попали, что ли. Вот такое впечатление.

– Что-то еще запомнилось?

Он задумался. Потом сказал:

– Сумки у них с собой были большие. Одна такая, синяя с белым, сбоку «СССР» написано, и две брезентовые. Это кроме рюкзаков.

Да, сумки совпадают. Сумки у них с собой быть должны. Они с этими сумками ушли. И ведь дотащили, хотя пешком им пришлось пройти порядочно.

– Хорошо, спасибо.

– Не думаю, что они с кем-то у нас связаны могут быть, – вдруг сказал повар. – Купечество наше все больше приличное. Был тут один, Ставицкий такой, раньше, давно уже. Вроде и купец, но собрал вокруг себя шоблу, про грабежи на дорогах слухи пошли, потом попробовал торговцев на базаре налогом обложить. Это при старом начальнике райотдела было.

– А потом?

– А потом взяли их всех ночью из постелей, судили и через неделю расстреляли возле кремля. Потом еще нескольких, за разное.

– А кто купцов сопровождает в поездках?

– Вневедомственная. Они в бюджет оплачивают. Тут так теперь стало, что если кто-то начинает свою охрану слишком большую заводить, то его сразу на карандаш. В городе тихо, на хрена тебе здесь охрана? А за забор сопровождение дадут, не вопрос.

– Может, и разумно, – кивнул я.

Даже точно разумно. Как лакмусовая бумажка на намерения. Если живешь в тихом месте и ничего плохого не планируешь, то зачем тебе бойцы с автоматами? Как завел таких, так сразу и подозрительно. У нас такого жесткого закона не было, но к тем, у кого слишком много «телохранителей» образовывалось, мы тут же присматриваться начинали. И, кстати, обычно не ошибались. Двое таких было, и оба погорели на нехорошем. Один поехал лес валить, а второму так и вовсе из пистолета в затылок выстрелили на городской свалке. Было за что. И двоим его людям. Сам в одного из них стрелял.

Парикмахерских в городе было две, одна на Луначарского, а другая на Володарского. Если честно, то такие названия уже раздражать начали. Кого-нибудь из деятелей мирового коммунистического движения здесь забыли помянуть? Разве что улица Торговые Ряды чуток утешила, а потом еще и Новгородскую увидел. Парикмахерская на Володарского оказалась маленькой, на два кресла всего, обитых потрескавшимся дерматином, зато единственным работавшим мастером была совсем молоденькая и симпатичная худенькая девчушка, даже обрадовавшаяся появлению клиента. Подозреваю, что народ тут еще и друг друга стрижет.

– Садитесь, – сразу же пригласила она меня в кресло, расправляя вполне свежую простыню. – Как стричь будем?

– По-военному коротко, красавица. Сзади по нижней, так сказать, кромке ушей, с боков коротко, сверху чуть подлиньше оставь, если не трудно.

Хорошая девочка, правда. Русые волосы, заплетенные в косу, лицо с сочными губами, аккуратным носиком и большущими серыми глазами. И голосок приятный.

– Ну а что трудного? – Она накрыла меня простыней, ловко завязав ее на шее. – Ничего нам не трудно, жениха сделаем.

– Старый я для женихов, так что хотя бы уставной вид придай, – засмеялся я.

Снял очки, положил на столик.

– Ой, да ладно, старый. Вон какой крепкий. Не видела вас раньше.

– Не местный я, приехал недавно. Зарос в дороге как дикобраз.

– А откуда приехали?

– Из Вологодской губернии.

Девушка прихватила сзади волосы расческой и решительно защелкала ручной машинкой.

– Электричества у вас вообще нет? Вроде в гостинице есть и еще кое-где.

– Обещают по всему городу дать. Разобрали где-то маленькую станцию на торфе, здесь теперь монтируют. К Новому году обещают. Местами даже провода уже тянут.

– А, точно, видел сегодня, как раз мимо проезжал. Как живется-то в Торжке такой молодой и красивой?

– Хорошо живется, лучше, чем раньше, – улыбнулась девушка.

Ну да, сколько ей лет? Хорошо если восемнадцать. Когда все случилось, она совсем крохой была. И Пятый Год прожить ухитрилась. Если с теми временами сравнивать, то да, лучше уже намного, а если времен до этого не помнить, то и вовсе хорошо.

– Молодежи-то много в городе?

– Моего возраста не очень. – Она вздохнула. – Детей вот много.

«Ее возраст» как раз в черные времена и вымер, все верно. Мало их. А детей на улицах хватает, да и в Грязовце за последние годы их сильно прибавилось. Правда, и проблемных детей много, хоть и не столько, как в свое время, до того как боеголовки рванули, говорили. У нас в городе тем, кто второго рожал, за городской счет и силами города новые дома ремонтировали и выделяли. Нужны люди, мало их осталось, если не рожать, то все, вырем. А детский сад со

школой в первую очередь починили.

- Сходить-то есть куда?

- Кино и танцы. - Она пожала плечами, продолжая орудовать машинкой. - Только в кино иногда плакать хочется.

- Почему?

- Потому что там жизнь другая, хорошая. И книжки читать тоже тяжело бывает, но кино хуже.

- Но ходишь?

- А что еще делать? Хожу, конечно.

Стрижка обошлась в пятьдесят копеек, но справилась девушка хорошо. Вышел, закурил на крыльце. Куда пойти? Обедать не пора ли? Пожалуй, что и пора. В столовую к базару ехать или что-то еще поискать? Ладно, к базару, там я уже знаю все, хорошо покормили.

В столовой нашел уже знакомых оперов, сидевших за тем же столиком. На этот раз они сразу к себе позвали.

- Как у тебя дела? Проблем не было? - спросил лысоватый, который тогда, кстати, представился Михаилом.

- Нет, все нормально. Общаются люди, никаких проблем.

- Узнал что?

- Были они здесь, уехали в Вышний мотовозом. Два дня жили в гостинице, в «Торжке». Есть к вам пара вопросов, к слову...

К столу подошел кабатчик, и я заказал просто двойную порцию пельменей и компот. Давно пельменей не ел, очень кстати оказались.

- Что за вопросы?

- Такое погоняло, как Прокоп, не слышали?

Оба задумались.

- Он старый достаточно, за полтинник ему, похоже. А на пальцах перстни еще с малолетки. Если он из местных, то мог материал сохраниться, как думаете?

- Мог, - кивнул блондин. - Все архивы милицейские уцелели. Можно покопаться. С тебя пузырь тогда.

- Сень, мало требуешь, - усмехнулся второй. - Ладно, поищем.

- Такая погремуха, как Монгол, знакома?

- Знакома, - кивнул Михаил. - Есть в Вышнем такой фигурант. Он там даже не поймешь кто, то ли бандит, то ли купец, то ли банкир подпольный. Числится вроде таким... в понятиях. Но дорогу ему бы переходить не стал. У нас он постоянно проскакивал по скупке трофеев с их рейдов.

- «Сказка», которая бордель, не ему принадлежит?

- Нет, там Вася Бачило хозяин. Бордель держит, катраны местные, кабак. Гибрид сутенера и кабатчика, один из тех, что масть в городе держат, положенец. Насчет контактов с Монголом не скажу точно, но вероятны.

- А персонал для борделя откуда? Местные?

- И местные, и просто воруют. Везут туда и дальше с концами. Тоже промысел. Но в нашем районе если и воруют, то редко, из других областей везут.

Есть банды, которые похищают людей. Специализация такая. Мужчин обычно продают на всякие тяжелые работы в глуши, откуда не сбежишь особо. Иногда «черные» мародеры используют таких в опасных местах. Женщин, если помоложе, продают в бордели в «зеленых» анклавах, причем всегда увозят далеко от того места, где похитили.

- Вот тут у меня приметы остальных. Никак не проверить, не проскакивали по другим делам?

- Проверим. Доедим, и перепишу. Но думаю, что не должны светиться.

- Почему?

- Они далеко в рейд пошли, в Вологодскую область. То есть не отморозки, осторожные. А кто по местным безобразиям светится, те обычно просто «зеленые», без башки. Не хотят те, кто там масть держит, больших проблем с нами. Но проверим. Что они у вас сделали?

- Они ограбили больницу. Убили людей.

- Что взяли?

- Взяли медицину. От столбняка, бешенства, от радиации какие-то препараты.

- Сколько можно в больнице взять?

- Туда целый груз пришел. Часть должна была остаться, остальное повезли бы дальше. По наводке действовали.

- И кто навел? – спросил Сеня.

- Не наши. Кто-то из цепочки, много людей знало. Не знаем пока.

- Сколько убили?

- Пятерых они убили. Расстреляли машину и всех, кто был в ней. В городе расстреляли, где охраны не было. И убивать не обязательно было, там три женщины, случайный подросток и водила, из оружия только у шофера карабин, но он даже схватиться не успел.

- А ушли как? – спросил Михаил.

- На этой же машине до окраины, там пошли пешком, у них грузовик в тайнике был. Мы к грузовику вышли даже раньше, прикинули маршрут. Но они сменили направление, там мы их потеряли. Вычислили только в Данилове, и то с опозданием, местные менты чухнули. Правда, приметы мы тоже с опозданием выяснили, а документы они сменили. В Грязовец по другим зашли.

- То есть в город зашли легально?

- Да. Портреты уже потом, по показаниям, составили.

- Понятно. - Михаил вздохнул. - Тут мы сильно помочь не можем, в Волочек нам ходу особо нет. Ты же туда сам не собираешься?

- Собираюсь.

- Если вскроется, что ты мент, угадай с трех раз, что с тобой сделают?

- Бланков паспортов много осталось. А тут я ментом примелькаться не успел.

- Мог успеть.

- Значит, судьба. Поеду.

- Это у тебя личное, что ли? - вдруг спросил Сеня.

- Личное, - кивнул я.

3

Бочаров, Сергей Петрович. Фотография моя, хоть и не такая, как в настоящем паспорте. Год рождения на пару лет отличается, теперь я старше, пятьдесят четыре. А с поправкой на день рождения, так на два с половиной года старше.

Въезд в Вышний прост, как мне опера рассказали, никто никого не проверяет, всем на все плевать. Так что на входе я на проблемы напороться не должен. На оружие тоже никаких правил нет, кроме здравого смысла. Начнешь злоупотреблять – закончишь плохо и очень быстро.

Я там буду один, так что надо подготовиться. Сначала внешность. Меня здесь если кто и запомнил, то в полувоенном и панаме, какие многие носят из-за удобства. Поэтому поеду в кепке. Очки... лучше бы вообще без них, но не получится. Поэтому надены запасные. Те, что ношу, пластиковые и крупные, а эти чудные, круглые, как пенсне, в тонкой металлической оправе, лицо сильно меняют. Усы бы неплохо, да отрастить не успею. Поэтому второй день не брился, пусть щетина будет.

Одежда другая с собой. Кожаная куртка новодельная, она просторная, под нее что угодно легко спрятать. Сейчас тепло, так что под нее просто майка трикотажная, но такие майки теперь роскошь. На ноги кроссовки. Тоже из старого, я их по тем временам помню, в Кимрах производить начали все к той же Олимпиаде. Серенькие такие, светло-серые с темно-серым. Тогда они с лицензионным московским «аидасом» даже равняться не могли, но сейчас невоенная обувь с тех времен за роскошь, так что нормально. Как и советские же джинсы «Орбита», от которых тогда плевались, а вот теперь на тебе. Оделся, глянул на себя в зеркало – бандит бандитом. Что и требовалось.

«ТТ» под мышку пойдет, с ним все понятно. И нож на пояс, мне его на заказ из рессорной стали сделали. Наборная деревянная ручка, лезвие не так чтобы длинное, но и не так чтобы короткое, с упором под пальцы. Теперь еще нож, маленький, по моему чертежу соорудили. Сталь хорошая, поэтому плоский совсем и как бритва острый. Просто полоска стали, ручка втиснута в резиновую трубку от бигуди. Он в брюки сбоку идет, там маленькие кожаные ножны вшиты. Такой нож даже при обыске найти мудрено, если охлопывать и ощупывать, а не раздевать. Идея не моя, с бандита одного взята, который этим ножом меня резать пытался. Зарезать не получилось, хоть на руке длинный шрам остался, но идею я скопировал.

Винтовка тут останется, она под другое дело, а «ксюху» возьму. И в рюкзаке к ней прибрлуда одна, про запас, собственной работы. И там же еще ствол, спортивный «марголин», и к нему такая же. Вот этим бы лучше не светить, просто потому что запомнить могут, а мне это не нужно.

Машину решил вообще не брать, останется во дворе у Сергеевны. Потому что город маленький, информация о том, что Гена свой «луазик» продал, могла разойтись, а потом его кто-то увидит на стоянке у платформы... Так что с утра пешком пошел, благо багажа на себе немного, я даже рюкзак на маленький сменил, который у меня в большом в свернутом виде хранился.

Людей на улицах пока было немного, все только просыпаются к рабочему дню, так что пока шел, ни единого знакомого лица не встретил. Да их у меня тут и нет почти, на самом деле.

Погода разыгралась, солнечно, тепло. Кожаная куртка вроде как даже лишняя, но ничего страшного, кто из города едет – обычно теплей, чем надо, одевается, мало ли что.

У платформы собралась очередь человек из двадцати, я в середину затесался. Неподалеку машина милицейского патруля, сразу три сотрудника с автоматами и в форме, на всякий случай. К отъезду подтянулись.

Добрался до кассы, заплатил знакомому дедку семь рублей за билет, дал паспорт переписать данные. Он не удивился ничему, хоть и узнал, его опера должны были предупредить. Говорят, что надежный дед, такого специально на въезд посадили.

На платформе еще минут пятнадцать ждали, пока состав подойдет. Он из Старицы сюда чешет, по остаткам двух старых дорог, включая ту самую Октябрьскую, по которой из Ленинграда в Москву и обратно катались командированные и туристы. Октябрьская как раз из Торжка и начинается. То есть не Октябрьская, а ее уцелевшая часть. И до Бологого уцелела, а там весь узел наземным взрывом снесли.

Поезд состоял из странного небольшого локомотива с кабиной посередине, рычащего дизелем, и десятка вагонов. Два пассажирских, остальное платформы и теплушки, все чем-то груженные. Перед локомотивом платформа какая-то урезанная по длине, зато с пулеметным гнездом, причем на два пулемета, там же бойцы видны в форме и касках.

Состав замер у платформы, люди пошли в вагоны, как-то естественно поделившись на два. Кто-то сразу, заняв целую лавку, завалился спать, сунув

рюкзак под голову, какие-то трое мужиков тут же, не откладывая в долгий ящик, отставив в сторону карабины и ППС, вытащили целую канистру пива. Судя по лицам, праздновать отъезд они еще вчера начали. Один сноровисто развернул лист оберточной бумаги, на нем сразу появилась вобла и бутерброды с колбасой. А что, для людей поездка в другой город – событие, пусть до того и рукой подать. Три часа будем ехать, но это не потому что далеко, а потому что медленно. Пути берегут и технику.

Две средних лет женщины и какой-то здоровяк с ними достали карты и тут же в подкидного начали раскидывать. А я за книгу взялся. Знаю, что бандиту не к лицу, но все же нужно себя чем-то в дороге занять.

Состав неторопливо тронулся, платформа поехала перед окном назад, пошли заборы и дома Торжка. Открытый шлагбаум, возле него опорный пункт, справа дома бывшего военного городка при вертолетной части, несколько брошенных винтокрылых машин так и стоят вразброс, разобранными до остовов. Часть все же взлетела после ударов, куда-то ее перебросили, но не все машины могли летать.

А вот и старая платформа «30-й километр», облупившаяся и заброшенная. Больше здесь поезда не останавливаются. Потом сразу лес с обеих сторон потянулся, смешанный, что для этих мест обычно.

И не читается как-то. Вытянул ноги на свободное сиденье напротив, откинулся как смог на жесткой деревянной скамье, повернулся к окну, глаза на проплывающие мимо деревья. Подумав, вытащил из рюкзака термос китайский, попугаями разрисованный, скрутил крышку-стакан, выдернул пробку. Запахло крепким чаем. Налил себе, развернул сверток с бутербродами, все та же копченая колбаса на хлебе. Не смог позавтракать, что-то от волнения кусок с утра в горло не лез.

Нет, это не от страха, я уже давно ничего не боюсь, если о себе думать. Страшно дело провалить, не совершить то, что совершить должен. И вот как так выходит, что вот тут вроде нормальные люди живут, а вот тут, совсем рядом, настоящий бандитский город? Почему до сих пор никто с этим ничего не смог сделать? Если та власть, что уцелела, пытается доказать, что она власть, то как вышло, что до сих пор не пришла армия и не разнесла там все к чертовой матери? На первую прикидку именно так и думается, и если только сильно мозгами пошевелить, то понимаешь, что вовсе не все так просто в этой жизни.

Вышний Волочек – бандитская вотчина, да вот эти самые бандиты именно с соседями стараются не конфликтовать. Даже торгуют. То есть зуб на них не у Торжокского района, а у кого-то другого, кто далеко. А если нет такого вот прямого повода для войны, то никто ее и не начнет. Потому что людей осталось мало, а погибнет в такой войне много. И удастся ли погибших потом кем-то заменить? Вот очень сомневаюсь. И власти сюда послать войска... а сколько у нее теперь тех войск-то? И откуда им идти? И сколько техники дойдет? И насколько помогут им местные? И что делать с этим Волочком, даже если удастся победить? И не озвереют ли уцелевшие по лесам бандиты и не начнут ли устраивать проблемы уже здесь?

Вот и живут так по принципу «не тронь дерьма – вонять не будет». Те к этим не лезут, а эти к тем. И всех понимаешь, но вот... как быть с тем, что в такие бандитские города похищенных людей увозят? Что именно из этого места пришла та банда, которую я ищу? Которая вот так взяла и лишила меня любого другого смысла жить? Это же из-за них не могу теперь спать, убиваю кошмары водкой. А сюда, в Торжокский район, приходят банды из других таких мест, и как знать, не сотрудничают ли бандиты пришлые с бандитами местными? Нет, это я даже сказал неправильно, потому что знаю точно, что сотрудничают. Эти тем здесь расклады подскажут, а те этим там.

Все равно это отложенная проблема, рано или поздно местным решать ее придется, так или иначе. Вот зачем эти люди из Торжка туда едут? Кто-то за товаром, а кто-то и развлечься. Веселей в Вышнем, жизнь привольней, есть доступ к запретному, развернись душа. Потом, глядишь, молодые и глупые туда и вовсе переедут, поведутся на сладкое и лихое, сначала по дурости, а потом уже и по захватившей душу гнуси. И от таких мест вреда куда больше, чем на первый взгляд видится. Они как раковая опухоль, жрущая тело. Еще только начало, метастазы еще не пошли, но она уже здесь и что-то поразила. И дальше она станет лишь больше, а весь организм от нее слабеет. И потом просто умрет.

Так понемногу дотелепались до Лихославля, поезд остановился, двое вышли, с десяток зашло в вагоны. Два мужика, прошедших мимо, говорили не по-русски. Тут карелов много, а если точнее, то большинство населения, из тех, которых переселяли с финской границы после финской же войны. Даже загадка-шутка такая в Калининне в свое время ходила: «Бежит, летит как бешеный, карелами обвешанный» – правильно, автобус на Лихославль. Но они тут и язык, и культуру сохранили.

Калашниково можно сказать, что официальная граница Торжокского района. Опорный пункт, серьезный, целый дом-пятиэтажку окружили укреплением, за ним даже бэтээры видны. Техники много, вот ездит она мало. И жрет как не в себя, и пробег до капиталки никакой, так что берегут, максимум держат на опорниках на самый крайний случай. Причем совсем крайний, потому что РПГ-7 со складов тоже очень много по рукам разошлось, а с местными лесными дорогами шансы брони куда-то прорваться через враждебную территорию даже комментировать не хочется. Всего много, людей мало.

В Спирово состав тоже остановился, подсадил людей. Тут уже Вышнего территория, и по публике заметно. Компания из четверых молодых, что в вагон подседа, вполне себе шпана, по одежде, повадкам и базару. И что совсем нехорошо – шпана вооруженная, у каждого по «АКМ» имеется. Впрочем, в вагоне они не борзели, сели в угол, разве что слышно их было отовсюду, на публику работали, крутость показывали.

Ты глянь, а в Вышнем поезд прямо на вокзал приходит, настоящий, довоенный. Две платформы, над ними переход даже, только закрыт. И нечто вроде КПП, там трое мужиков всех проходящих проверяют, не «светится» ли кто. Но не завернули ни одного человека. Все опытные стали, да и не так много мест, где радиации хвататься можно. Меня тоже проверили и ни слова не сказали, только махнули рукой, проходи, мол. А раньше да, раньше на каждом шагу проверки были, потом подуспокоились.

На платформе ларек с пивом и куревом, у выхода в город даже такси стоят, «Москвич» и старая «Волга». И есть клиенты? Оказалось, что есть, те четверо из Спирово тут же машину взяли, радостно гомоня. Это они в столицу веселиться приехали, так что для пущего шика такси не помешает. И вторую машину тут же кто-то взял, а следом за ней «рафик» подъехал, встал. Ну и вон пара пацанов сидит на приступочке, разглядывает приезжих. Малолетние жулики или другого заработка ищут? А может, просто делать им нечего.

Гостиницу надо. Не то чтобы больше нигде не остановишься, но там расспрашивать начинать удобно, это нормально. Приезжий, что-то ему всегда нужно. Подошел к потягивавшемуся у машины водителю «рафика», спросил:

– Извини, друг, поинтересоваться хочу. Гостиницы в городе какие приличные?

Он быстро окинул меня взглядом с ног до головы и, похоже, удовлетворился увиденным, потому что сразу сказал:

- «Березка» на Большой Садовой и мотель есть. Еще у рынка комнаты сдают, но ты вроде человек солидный...

- А какая лучше?

- Смотря что надо. «Березка» типа всегда главной была, даже до Херни, центр, считай, а мотель чуть не в лесу, но если там поиграть, или девочек, или еще чего...

- А «Березка» в центре?

- Ну да.

- Отвезешь?

- За чирик запросто.

- Не ломанул? - усмехнулся я.

- Тогда подождем давай кого-нибудь, пополам поделишь.

- Я тебе пятерку дам и никого не ждем.

К «рафику» и правда никто не бежал, всех клиентов те две машины увезли. Водитель почему-то посмотрел в небо, подумал, затем сказал:

- За восемь отвезу.

- На семи сойдемся, - сократил я процесс торга. - И то дорого.

- Ладно, садись.

Вышний на Торжок вроде и похож, но все же какой-то другой. В Торжке зелени больше и город заметно старинный. А здесь возле вокзала даже девятиэтажка панельная, из новых. Вроде как серьезней место. Но, судя по окнам, заселено в ней немного квартир.

- Тут еще жить можно, - водила показал пальцем на этот дом. - Только держи шмотки все время руками и смотри, чтобы не зарезали. Чуть не самая трущоба в городе, одни наркоты.

Тоже разница, да. В том же Торжке или у нас за торговлю наркотиками расстреливают.

А вообще тут вроде все и попроще, и даже поживленней; такое ощущение, что меньше людей работает и больше по улицам шляется. И да, легковушки катаются время от времени. И улица вроде пошире, чем в Торжке, даже какие-то остатки тротуаров сохранились. Правда, чуть дальше отличия исчезли, когда хрущевки сменились старыми особняками. На угловом висела вывеска «Игорный дом „Удача“», а сразу за ним, по другую сторону перпендикулярной улицы, висилось четырехэтажное здание гостиницы «Березка» - типичный гостиничный проект для провинциальных городов, разве что время и обстоятельства внесли в него поправки в виде многочисленных труб буржук, торчащих наружу, и закопченной стены.

- Приехали! - радостно объявил водила, демонстрируя понимание того факта, что развел лоха тряпошного.

- Молодец, быстро довез, - похвалил я его сквозь зубы.

- Так старался, - не полез он за словом в карман.

Подхватив рюкзак и автомат, потопал к «Березке». На первом этаже, естественно, обнаружил вход в ресторан. Что за гостиница без ресторана? Правда, этот, против ожидания, назывался не так, как «отель», а нес гордое название «Елисейские Поля». Вот как.

Обшарпанный вестибюль с полами из гранитной крошки, привычная стойка администратора, но несколько непривычный вид сидящего в скрипучем кресле амбала с автоматом. Охрана, похоже. А за стойкой средних лет мужчина, одетый

сплошь в джинсовое – брюки, рубашка «батник», такая же куртка поверх рубашки и даже джинсовая кепка на голове, призванная, как я заподозрил, для сокрытия лысины.

- День добрый, – поздоровался я. – Номера есть? Только мне бы отдельный.

- У нас все отдельные, – администратор усмехнулся. – Наплыва туристов давно не было, да и не предвидится вроде как. Есть номера.

- Тогда поинтересоваться хочу, по комнатам не шарят?

- Камера хранения есть у нас. За оставленное в номере не отвечаем. А из камеры не крали ни разу.

- Дорого?

- Тридцать копеек в час.

- А номер?

- Люкс за четвертной, полулюкс пятнадцать, обычный за десятку в сутки. Ресторан есть.

- Это я видел. А почему так назвали?

- А кто его знает? – тот пожал плечами. – До меня это было. Берете номер?

- Да, возьму. На пару дней пока. Нет, на три.

Мне же все равно мотовоза ждать.

- Сороковник. Червонец вернем при выезде, залог за порчу.

Отсчитал. Тысячу я оставил в Торжке как последний резерв, а пять сотен с лишним с собой прихватил, мало ли за что платить придется.

– А сейчас камера открыта? Я бы вещи сразу кинул, а как вернусь, забрал бы.

– Открыта, пошли, – кивнул тот, пересчитав деньги и просто убрал их в карман. – Только от волыны магазин отстегни и патрон выкинь.

Почти рядом со стойкой две двери. За одной оказалась еще и решетка, которую мужик открыл ключом, после чего взял мой рюкзак с автоматом и положил на полку, выдав мне номерок театрального вида, на котором с обратной стороны было выжжено «Березка», а заодно и бумажку с печатью, на которой записал время.

– Минуту, я еще белье выдам, – сказал он, запер камеру хранения и отпер соседнюю дверь, за которой оказалась кладовка. И тогда мне досталась стопка серого и даже чуть влажного белья, пахнущего прачечной. – И ключ возьми, семнадцатый номер будет. Второй этаж.

– Благодарю.

Коридор второго этажа был темным, пол покрыт разбитым паркетом с ковровой дорожкой посередине, середина которой была вышаркана ногами до дерюжной основы. Дверь открылась с трудом, рассохлась, за ней оказалась небольшая комната с тремя кроватями и тумбочками рядом. Все кровати с матрасами, но без белья, понятное дело. Я выбрал ту, что от входа в дальнем углу, быстро застелил, не став накидывать одеяло – пусть все сохнет, точно же влажное.

Все, можно идти. Автомат пусть тут лежит, с длинными стволами народ по улице не ходит, как я вижу. Пока я с рюкзаком, то выгляжу нормально, вроде как только приехал человек или уезжать собрался, а так ходить не стоит, похоже. Ладно, «ТТ» вполне хватит в случае чего. Запер номер, спустился вниз, спросил у администратора:

– Такое место, как «Сказка», знаете?

– А кто его не знает? Только рановато для нее, – он посмотрел на часы, – туда если только часа через три идти имеет смысл. Угол Сиверсова и Казанского, длинный такой дом двухэтажный. И там же казино «Двадцать один».

- А где пока пожрать можно хорошо? Чтобы на воздухе, например?

- К рынку идти лучше, там шашлычка есть неплохая. И там же чебуречная. Не отравят.

- Спасибо, воспользуюсь. К рынку как идти?

- Вот как направо из подъезда и первая улица снова направо. Там его видно будет.

Рано пока в «Сказку». Но мне не веселиться, мне по другому делу. Вчера вечером опять с операми встретился, они новостями поделились:

- Прокопьев Николай Макарович, тысяча девятьсот сорок пятого года рождения, уроженец города Кимры Калининской области. Впервые осужден в возрасте четырнадцати лет по статье сто сорок пятой УК РСФСР на срок четыре года, с отбытием наказания в колонии для несовершеннолетних. Освобожден в возрасте восемнадцати лет, на путь исправления не встал, администрацией характеризуется отрицательно. Три года погулял, затем еще срок, статья сто сорок шестая, разбой, группа лиц, срок семь лет. Вышел в семьдесят втором, провел на свободе четыре года. Переехал в Осташков. В семьдесят шестом снова сто сорок шестая, группа лиц по предварительному сговору, срок двенадцать лет. То есть на момент войны находился в местах заключения. Такой вот красавец. На родину вернулся, можно сказать. Приметы совпадают, шрам присутствует.

- А про других что-нибудь есть?

- Есть ориентировка на Прапора. Бывший военный служащий, прапорщик, предположительно авиация, служил в Мигалово. Появился на военной машине с кучей оружия, сразу в Вышнем Волочке. Замечен в окружении Зураба, есть там такой авторитет, по неподтвержденным данным вор в законе. По неподтвержденным же данным у него какой-то заскок по женской линии, а под людьми Зураба есть бордель. То ли убил он проститутку, то ли что-то еще, но дальше о нем слышно не было. Для того чтобы его свои мочканули, косяк маловат, но какие-то меры приняли, выходит. По приметам совпадает.

Вот, собственно говоря, и все мои исходные данные. То есть лучше всего Прокопа искать, то есть гражданина Прокопьева Николая Макаровича, рецидивиста. И кроме той самой «Сказки», зацепок у меня нет.

Улица, на которую свернул, называлась Красных Печатников, что хотя бы радовало разнообразием после Торжка, но шашлычная нашлась на Карла Маркса. Двухэтажный домик из красного кирпича с двориком, во дворике столы с лавками под навесом. Пахнет как раз шашлыком и дымом. И людно, половина мест занята, все на солнце выбрались. Тощий носатый кавказец орудует у длинного мангала в углу, кругленькая такая молодая женщина столики обслуживает. Выбрал место так, чтобы можно было за улицей наблюдать, сел. Женщина почти сразу оказалась рядом. Попросил пива и четыре шампура свиного. Пиво принесли быстро, в знакомой классической кружке вроде тех, в которые у бочек разливали в мирное время. А минут через пять и шашлык был готов, его тут впрок жарили, похоже, а не под конкретный заказ. И оказался он неплох, и мясо хорошее, и зажарили с корочкой.

За спиной рынок шумит, из окна шашлычной музыка слышна, лезгинка, пластинки крутят. Тут электричество есть. Откуда? Да оттуда же, откуда и у всех, с паровоза наверняка. Страна специально в специальных местах накапливала отработавшие свое паровозы как раз на случай больших катастроф, а превратить его в электростанцию никаких трудов не составляет. Вот если по всему городу света нет, а только пятнами, то это и значит, что паровозы приспособили. Статистика уже такая. А так приходилось уже всякие видеть, паровые машины местами строят и от них генераторы крутят.

Сильно пьяный мужик вдруг поднялся из-за соседнего столика и пересел неожиданно ко мне.

- Здравствуй, - дыхнул он на меня перегаром.

- Привет.

Я решил в бутылку не лезть, потому как просто пьяный человек, обозначился, может быть. А так колоритный персонаж – волосы космами, бакенбарды и усы, такие на сельских танцах первыми кавалерами были в свое время. Замшевая куртка, на нее отложной воротник рубахи выпущен. Та чуть не до пупа расстегнута, открывая на забитой партаками груди золотой крест. При делах

фигурант, не просто так. Может, и послушать есть смысл.

- Чё, как жизнь?

- Да помаленьку, как раньше.

- Не видел ты тут давно, - тот попытался на мне сфокусироваться.

- Уезжал, дела были. У тебя как дела?

- Да н-нормально. - Тот излишне резко кивнул, так, что чуть не завалился на стол. - Поднимаемся малехо.

- Чем сейчас занят?

- Да все на базаре. - Он качнулся назад, но удержался за край стола, благо тот в землю вкопан. - Бабки собираем с купцов. Н-нормально все, живем. Кантовка голимая, а не жизнь.

- А с утра чё празднуешь?

- У кента деньрождение, отметили малехо. Да нормально, - махнул он рукой. - Сима! Симуль! - призвал он фициантку. - Плесни нам с кирей по кругалю еще, л-лана?

- Сделаю, Петь, - кивнула та и пошла в шашлычную.

Петя тут пасется постоянно, что объяснимо, если он на базаре налог собирает. А Сима не просто так, а «чья-то», потому что держится уверенно, не боится, что Петя спьяну забыкует. Впрочем, тут все чьим-то должно быть, место торговое, денежное. Кстати, интересно, как Петю корефаны гонят? Не должен он быть погонялом Петя, звучать нехорошо будет.

- Потом чё думаешь?

- Да к шалавам потом, чё еще.

– В «Сказку», что ли? – попробовал я подвинуть разговор в полезном направлении.

– Да ты чё, – Петя снова покачнулся. – «Сказка» кучеряво, но не в мазняк, там все лавэ спустишь, Бачила цены ломит. У кири хаза, туда. В буру скатаем, кайфу шмыгнем, сосок привезут. – Петя утер тыльной стороной ладони слюни с губ, снова поймал меня в фокус. – Кент раз сам в «Сказку» пошел, датый был сильно. Там кругалья поднесли, и он, прикинь, враз закимал. Зенки как открыл – а сам, прикинь, на улице лежит. Ни гаманца, ни волыны, калган трещит. Он к ним, а там ему типа чё кипишишь, ты тут бычил, мол, шмаре в нюх втер, берегов не видел, в долг катать хотел, чуть не на фуфел божился, а он четко помнит, что кругаль – и все. Так ваще кони шаркнуть мог, не предъявишь. В «Сказку» ходить – судьбу дрочить. Ну, если тока с кентами, тогда ладно.

– А, ну верно. Слушай, а ты Прокопа ведь знаешь? – наугад набросил, попутно открыв портсигар и предложив Пете папироску. Тот не отказался, заломил втройную по-блатному, прикурил с моей зажигалки, чуть хлопнув по руке в благодарность.

– Прокопа? Из этих, с Пригородного?

– Шрам еще тут, – показал я пальцем. – Прокоп, Прапор, Саид, Шига... эта вся шобла.

– Ну да, на Пригородном живут, – Петя опять опасно кивнул. – А чё за него?

– Да дело к нему, а дом его забыл.

– Не в курсе за дом, не был у них. Отморозки в натуре. В этом, в «Медведе» полукайся, они же там часто. Я бы не кентовался с ними, Прапор с города винта не зря нарезал, вообще не кажется.

– Я краем уха только... а чё там со шмарой вышло?

– Прапор их душить любил, когда шпарил, – Петя гыкнул. – Ну и удавил одну ваще для кайфа. Его на лавэ выставили, он башли зажал, беса гнал, короче, спросили как с гада, взяли с него что было, он потом год ливера лечил. А потом

да, с Прокопом закентовался. А так сам прикинь, какой босяк такого подберет? Не, я бы... спасибо, Сим, – Петя отвлекся на две кружки, которые официантка выставила перед нами.

– Медицины они недавно взяли много, Монголу толкнули, слышал. Башлей взяли нормально.

– Не в курсе.

Петя вроде как чуть напрягся, поэтому тему развивать не стал.

Там за столом еще четверо сидят, на нас поглядывают. Такие же пьяные, а пьяный бандит вообще вещь опасная, не надо их на лишние мысли наводить. Но Петя, похоже, уже сам забыл, что гнал. Пива хлебнул и вообще о чем-то своем начал, я уже половину слов не разобрал. А потом один мужик, высокий и толстый, позвал его:

– Сивый, ну чё завис? Извини, чисто по-братски, – тут же повернулся он ко мне. – Ждут нас, а Сивый если начал, то до утра пробазарит.

– Нормально все.

И действительно, заполучив Петю обратно, компания сразу поднялась и пошла к выходу из шашлычной. Сивого больше всех штормило, остальные вроде лучше держались.

Не знаю, за кого меня Сивый принял с пьяных глаз, но что-то полезное сказал. Карту Вышнего я изучал перед отъездом, так что знаю, что такое Пригородный – поселок в паре километров от города, пригород и есть. То есть банда Прокопа там базируется. И «Медведь» этот самый... не знаю, что это, явно заведение какое-то, надо уточнить будет. Только не здесь, тут уже лишнее. И вообще тут лучше не маячить больше, потому что если Сивый назовет братве своей, за кого он меня принял, то те и удивиться могут, если кто-то в курсе реальности. Так что рассчитываюсь и валю отсюда.

И да, погулять пока надо по городу, посмотреть, как тут и чего, а заодно куда бежать, если что не так пойдет.

«Медведь» оказался вроде как рестораником на первом этаже старой трехэтажки на Казанском проспекте. Тут вообще все значные места собраны на довольно небольшом пятачке, как я заметил. Успел погулять, примерно прикинул, что здесь как. Окраины и частный сектор своей жизнью живут, развлечения все тоже более или менее на пятачке собраны, набережная Цны со всеми ее старыми особняками – вроде как «воровской куток», тут, похоже, все сильные мира вышневолоцкого живут. Заборы, ворота, охрана, каждый отгородился и жирует в персональном пространстве. Машины у домов все больше «Волги», а кроме них даже «Чайка» одна попалась. Не ошибусь, думаю, если предположу, что она раньше возила первого секретаря калининского обкома Леонова. Других «Чаяк» в области не было. То есть сразу видно, что власть живет тут.

Никаких войск или милиции в городе видно не было. И, как опера просветили, порядок поддерживался «естественным образом», не было никого, кто не платил бы налог кому-то. А получатель налога защищал плательщиков.

Беспредельщиков, которые гадили, где едят, вычисляли быстро и карали жестоко. Даже изобретательно подчас, поэтому хоть совсем тихо в Вышнем и не было, но все же и беспредел на улицах отсутствовал. Случались войны между бандами, но «гражданских» они обычно не касались. Впрочем, подобную структуру общества спасало еще то, что агрессивных соседей не имелось. А на мой взгляд, если правильно все сделать, всю эту бандитскую власть можно за один день к единому знаменателю привести. Как? Да очень просто: если ночью тихо зайти в город с неконтролируемых направлений, а под утро разом выбить всю бандитскую верхушку. Охрана у заборов не поможет, если решительно взяться. А вот что потом будет... от многого зависит.

Но только не уверен, что приготовления к подобной операции незамеченными пройдут. Готов на что угодно спорить, но у бандитов в Торжке и районе агентуры хватает. Как только начнут силы там собирать, кто-нибудь даст знать. Милиции и вояк мало, все больше на ополчение ставка в случае большой заварухи, а ополчение за пять секунд в ружье не поднимешь и куда надо не перебросишь.

А нужно тут вот так сразу ополчение? Хватило бы нескольких групп толковых бойцов, если ударить неожиданно. Выставят городки района по паре взводов, и вот уже две роты набралось. Такие силы у них есть, и вот ими можно действовать очень оперативно. Или тамошней власти Вышний нужен зачем-то?

Ну да, торговля, тут и стекольный, и лесопилки, и кирпичный, и хлебозавод, но ведь это все и без бандитов работать может? А вот развлекаться сюда точно ездят, те же купцы торжокские. Не могут не ездить, тут деньги веселей тратиться должны. То есть вот тебе и потенциальная агентура. И не обязательно сами купцы, их-то как раз купить сложнее, а человека простого, кто, например, приехал да в местном катране все свои пречистые спустил, можно и на крючок подцепить. Простенький такой, начать платить ему понемногу, он и рад будет.

Очень даже допускаю, что за такими, кто часто сюда ездит, и пригляд есть, просто опера торжокские не всем со мной делятся. Только что дальше там делать собираются? Я бы на их месте все же подумал о том, что местную вольницу разгонять нужно.

Сам городок обходился быстро, заселен он, наверное, не больше чем на треть от бывшего, так что окраины жалась к центру. Много домов пустых, ветхих, развалившихся. Даже в центре вот дом жилой, а вот рядом пустой, натуральная руина. В многоэтажках, похоже, вообще не живут особо, стекла выбиты, разве местами окна фанерой или чем еще забиты. Лифты не работают, на девятый не поднимешься, а жить среди пустых квартир даже страшно, пожалуй. Те же хрущевки понаселенней выглядели, а так все больше частный сектор жилой. С деревянным домом со своей печью справляться теперь проще. Впрочем, это не только Вышнего касается, везде так. Торжок за счет того, что многоэтажек нет, даже менее запустелым выглядит.

В «Медведь» я не торопился. Решил, что если и появятся там нужные мне лица, то не раньше вечера. Подобная публика поздно встает и поздно ложится, а до того времени делать мне там нечего. Если не увижу никого, то аккуратно расспросить попробую, может, что и узнаю. Не узнаю – подумаю, как их найти в Пригородном. Даже не думаю, что так уж сложно это сделать, потому что по карте поселок выглядит маленьким, а если там банда масть держит, то занимать они должны лучшее место и никак иначе.

Еще подумав, решил с Пригородного и начать. Еще даже пяти нет, и если найти машину туда, то вполне можно позволить себе потратить пару часов на осмотр места. Осталось только сообразить, где машину взять. У вокзала таксистов точно нет, кого им там дожидаться? У рынка? Вот может быть, вполне, там и люди денежные обретаются, и им куда-то срочно понадобится ехать... если кто извозом занят, то рынок для него первейшим местом будет.

Или просто пешком дойти, не привлекать лишнего внимания? Сколько дотуда? Километров пять, если карту правильно помню? Час ходьбы. Но если еще потом в «Медведь» идти, то еще час. Нет, все же лучше машину взять. Пусть докинут не именно туда, но поблизости. Только куда? Как место назвать? Хоть карту я и изучал, но там больше названия улиц, а что на них... Ладно, пусть до конца улицы Шмидта довезет, дальше сойду и пешочком. А зачем мне туда – не его собачье дело.

У рынка я машину нашел сразу. Тот самый «рафик», что вез меня со станции, чему совершенно не удивился. Водитель на этот раз курил, сидя в кабине.

– Как калым, друг? – спросил я, заглядывая в окошко. – Фартовый день?

– Только с тобой и пофартило, – ухмыльнулся он. – Могу за чирик в «Березку» подвезти, если хочешь.

– В «Березку» мне не надо, а вот за пятерку до конца Шмидта – вполне.

– Так туда дальше.

– Зато дешевле, – возразил я.

– Ладно, садись, – он показал на пассажирскую дверь спереди. – Хоть за бензин верну.

– У тебя что, рубль на километр уходит? – поинтересовался я, забираясь в кабину.

– Да почти. Страшные деньги. Паша, к слову, – вдруг представился он.

– Жора, – ляпнул я первое имя, что в голову пришло. – Поехали, Паша?

– А что там на Шмидта? Там в конце и не живет никто.

– Чуть не доезжая заправки, высадишь, – вспомнил я обозначение с карты.

– А чего там? – удивился он. – Там разве собаки бродячие бегают.

– Паш, это уже моя проблема, верно? Надо.

– Да я чё? Ничё, – водила стушевался.

Ехать тут кругом недалеко, добрались быстро. Паша пару раз пытался завязать разговор, но без особого успеха. Любопытный больно. А место тут и вправду безлюдное и навстречу ни машины, ни телеги, ни человека не попало. И даже дорога не слишком разбита, потому что сюда и не ездит никто, наверное. Дорога отсюда на Максатиху идет, а там «цивилизованный мир», Бежецкий район, да и далековато.

Когда в поле зрения показался остов сгоревшей заправки, я сказал:

– Вот здесь.

«Рафик» остановился, Паша получил свою пятерку, спросил:

– Заехать, может, потом?

– Не надо, отвезут, – отказался я.

– И кому тут возить? – хмыкнул он, но я уже захлопнул дверцу и зашагал в сторону заброшенных деревянных домов.

Заросло все, крыши просели под снегом, заборы завалены. Стекол вообще нет, их просто вытащили отсюда, наверное. Оглянулся – «рафик» уехал. Ну и хорошо. Все же, наверное, стоило пешком идти. И уж меньше всего надо было ехать с этим самым Пашей, который знает, что я из Торжка приехал и в «Березке» остановился. Неудачно получилось, а я не дотумкал вовремя. Ошибка.

Прошел в сторону озерца, свернул на перпендикулярную улочку. До Пригородного отсюда рукой подать. Странно, что Прокоп со своими здесь обосновался. Хотя... как обоснуешься. Бандиты в городе, как я прикинул, живут кодлами. Старшие, поблатней которые, в особняках обитают, похоже, с охраной или самыми семейниками. А какие под ними пониже, те тоже стараются

селиться недалеко. А вот как можно в совершенно пустом и заброшенном месте жить? Занять целиком дом, лучше дом с территорией. Банда Прокопа не то чтобы в авторитете в городе, как я понял, так что им даже удобней так может быть, на отшибе, вроде как сами по себе. Есть банды, что и по соседним деревням живут, те самые «зеленые», беспредельные, им так проще, потому что в случае косяка очередного местный «воровской куток» их к ответу не подтянет. Могут просто и не узнать ничего. А эти, как я понимаю, где-то посерединке между дикими бандитами и «мафией» местной существуют.

Через частную застройку вышел к двухэтажкам из серого силикатного кирпича. Тут таких с десятков, наверное, но все выглядят пустыми и заброшенными. Ну и размародеренными, даже шифер с крыш снят, окна с рамами выдернуты. Побродил между них, вышел к воде, где обнаружил такое же заброшенное автохозяйство. Гаражи без ворот, несколько грузовиков, от которых только рамы остались, в управлении ломаная мебель, как я через окно увидел.

Дальше надо идти или на ту сторону шоссе.

Нужное место я нашел на дальней окраине Пригородного. Шел через кусты вдоль дороги, чтобы не маячить, и увидел одноэтажный домик с вывеской «Почтовое отделение», в котором окна были кирпичом заложены. И рядом глухие железные ворота. Присел, присмотрелся.

Вот оно что... За почтой двухэтажка, и от почты к ней забор тянется из железного листа. По диагонали, то есть так не бывает, это потом пристраивали. И по верху забора, как и по воротам, «егоза» протянута. Дальше ворота упираются в кирпичный гараж на два бокса, а за гаражом еще какая-то административная двухэтажка видна. Скорей всего, это они и есть. Но лучше присмотреться.

Я прошел дальше, чтобы шоссе в виду окон не переходить, там рощица, да еще и с густыми кустами, так что перебежал туда. Ну да, задняя стена гаража, там уже добротный бетонный забор, из плит, причем «прямым углом», то есть всегда тут стоял. Но тоже с колючкой сверху. В обеих двухэтажках все окна целы, некоторые открыты настежь. Ну да, тепло сегодня. Когда прошел дальше, то увидел, что окна конторского домика снаружи тоже заложены, несколько бойниц на втором этаже осталось. Ты глянь, крепость себе натуральную устроили. За конторой бетонный забор снова перешел в металлический, замыкавшийся на жилое здание. Полноценный периметр, разве что без ума

строенный, потому что подступы толком ниоткуда не просматриваются. Или это не для обороны, а для того, чтобы изнутри кто-то не сбежал?

Забрав к самому берегу, я описал полный круг, обходя бандитскую крепость, и на этот раз засел за остатками еще одного бетонного забора, по этой же стороне дороги, откуда через щель и сквозь заросли репейника можно было наблюдать за въездом. Не самый лучший угол, но меня тут точно не обнаружишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/andrey-kruz/posle>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)